

Александр Толкачёв

Пчёлочка золотая

Обыкновенная драма

Действующие лица:

Иван Жуков - мужчина 63 лет.

Мария - жена Ивана, около 60 лет.

сыновья Жуковых:

Семён - старший сын, около 40 лет.

Виктор - младший сын, молодой человек небольшого роста, 30 лет.

Неля - жена Виктора Жукова, высокая спортивная женщина, около 30 лет.

Вика - жена Семёна, 35 лет.

Анатолий Дмитриевич - сосед по площадке, около 70 лет.

Селивёрст Анфимович - около 60 лет, но выглядит значительно моложе.

Пётр - школьный друг Семёна, около 40 лет.

Алёна - секретарша Семёна, 20 лет.

Акт первый

Картина первая

Лето. Раннее
утро. Гостиная
комната в
просторной
современной
квартире.
Полумрак. Через
широкую
раздвижную
дверь видна часть
прихожей, в
которой
расположены
туалет и ванная.
Квартира новая,
с современным
дизайном и
мебелью. На
стене большой
ковёр, на
котором висит
казачья шашка в
ножнах, кинжал
и большой
портрет Ивана
Жукова в
казачьей форме. В
"красном углу"
небольшой
иконостас. В
щели
зашторенного
окна
пробиваются лучи
яркого солнца.
Звенит
электронный
будильник. Из
спальни
родителей
выходит в
пижаме Иван и
быстро проходит
в туалет. Следом
за ним из своей

комнаты
выходит Виктор
в майке и
тренировочных
брюках,
ткнувшись в
запертую дверь
туалета,
возвращается в
гостиную, и,
подойдя к дивану,
закрыв глаза,
валится на него.
Из спальни
родителей
выходит
заспанная Мария
в домашнем
халате и в
бигудях.

Мария (Виктору). Доброе
утро, сынок! (Проходит в
ванную.)

Виктор. Доброе, мам!
(Зекает.)

Слышен звук спускаемой
воды из
туалетного
бачка. Из
туалета выходит
Иван.

Иван. Здорово ночевал,
сынку!

Виктор. Слава богу, батя!
(Встаёт и
быстро заходит в
туалет.)

Иван (зовёт). Мать!
Мария (из ванной). Чего
тебе?

Иван. Ты где?

Мать. В ванной.

Иван. А!.. Ты давай
шустрее, нам

сегодня надо
огурцы с
морковью
прополоть и всё
полить до
шестнадцатичасов
ой электрички. Не
забыла, Неля
сегодня
приезжает.

Виктор (*из туалета*). Не
торопитесь, у неё
всё равно поезд в
четырнадцать
ноль ноль
приходи

Мария выходит из ванной.

Мария (*в дверь туалета*).
Без тебя знаем.
Ты долго там
будешь?

Виктор (*из туалета*).
Нельзя уже и
подумать в
одинокестве!

Мария. Да сиди, думай,
только газеты не
читай. (*Проходит
на кухню и сразу
включает
радиоприёмник,
слышится
негромкий
бубнящий голос
диктора,
читающего
последние
новости.*)

Иван. Тоже мне, нашёл
избу-читальню!
Читатель!

*Иван заходит в ванную,
оставляя дверь*

*открытой.
Слышится звук
спускаемой воды
из туалетного
бачка.*

Виктор (*выходит из
туалета*). Между
прочим, у
Хэменгуэя в
сортире была
целая
библиотечка для
чтения.

Иван (*из ванной*). Но ты-
то не Хэменгуэй!

Виктор (*подходит к
зеркалу и
причёсывается*).
Пока нет, но,
возможно, в
будущем...

Иван (*выходит из ванной,
в одной руке у
него тюбик
зубной пасты, в
другой - зубная
щётка.*) Ну, тогда
сиди в сортире,
может, что-
нибудь и
напишишь.
Писатель! Лучше
бы ты, ей-богу,
инженером
хорошим стал или
тренером, на
худой конец. Всё
не так заметнее,
чем графоман.

*Иван выдавливает пасту
на зубную щётку.*

Виктор (*спокойно*). Всех
великих вначале
не признавали.
Подождём!

*Из стойки с обувью
Виктор берёт
кроссовки и
начинает их
расшнуровывать.*

Иван. Здоровому мужику
надо работать на
производстве, а
не книжки писать.
Или бизнесом
заниматься. Вон,
брал бы пример
со старшего
брата, давно бы
миллионером
стал. Да и про что
ты пишешь? Про
любовь-морковь?
Про дешёвые
интеллигентские
мирихлюндии?
Тьфу! Сплошной
сюр!

Виктор. Ну, сюр не сюр, а
кое-что в
литературе я
понимаю и умею.

Иван. Если уж писать, то
нужно быть
реалистом и
писать правду-
матку про нашу
жизнь. А чего
описывать какой-
то мутный поток
сознания,
который никому,
кроме носителя
этого самого

сознания, больше
неинтересен?

Виктор. Это смотря какой
носитель и какое
сознание у
читателя!

Мария (*из кухни*). Болтать
хватит, а то
поесть не успеете.

*Иван, махнув
на сына рукой,
идёт в ванную и
закрывает за
собой дверь, а
Виктор уходит в
свою комнату.
Выходит из кухни
Мария и заходит
в туалет.
Виктор, уже в
спортивной
куртке, проходит
из своей комнаты
на кухню.
Слышится шум
воды,
выбегающей из
крана на кухне.*

Виктор (*из кухни*). Мам, а
что-нибудь
вкусненькое у нас
сегодня будет?

*Слышится звук
спускаемой воды
из туалетного
бачка.*

Мария (*выходит из
туалета*). С
огорода ягоду
свежую привезу.

Виктор. Да она на югах
там обЪелась,
наверное, этих
ягод.

Мария. Таких ягод как у
меня, нигде
больше нет,
запомни это,
сынок.
*(Открывает
дверь в ванную.)*
Ты скоро?

Иван. Да ты хоть
побриться дай
спокойно, егоза!

Мария *(заходит в ванную,
не закрывая за
собой дверь)*. И
как ты только в
армии служил,
копуша?

*Слышен звук воды,
бегущей из крана
в ванной.*

Иван. Служил, как все.
Тоже мне,
старшина
объявился!

Виктор *(выходит из
кухни, что-то
жуя и вытирая
мокрые руки о
куртку)*. Я на
стадион. Минут
через тридцать
вернусь.

*Виктор снимает тапочки
и надевает
кроссовки.*

Иван. Мы через полчаса
уже в автобусе

сидеть будем. Не
торопись!

Виктор. Тогда попутного
ветра!

Мать. Опять всухомятку
ешь? Вот
испортишь
желудок,
подхватишь язву,
тогда будешь
знать!

Виктор. Ага! Буду! До
вечера!

Иван. Пока!

Виктор уходит.

Мария. До вечера!
*(Выходит из
ванной).* Совсем
ничего не
понимает парень!
*(Подходит к
зеркалу и
начинает
снимать бигуди.)*
Думала, женится,
так хоть что-то в
голове
прибавится, а у
него
торичеллиева
пустота как была,
так и осталась.
Вот только и
знает, что по
стадиону круги
накручивать да за
компьютером до
ночи сидеть.

Иван. Ребёнка им надо.
Глядишь, и за ум
возьмётся.

*В ванной
прекратился шум
воды, только
слышно, как на
кухне бубнит
радио.*

Мария. Ну да! Заставишь их! Я тут как-то заикнулась Неле, так она мне целую лекцию прочитала, почему ребёнка нужно заводить только после тридцати.

Иван (*выходит из ванной и закрывает за собой дверь*). Это им всё ящик поганый внушает американский образ жизни. Мол, если нет коттеджа и лимузина, не нужно и торопиться. А то, что демография страдает в стране, этого они не понимают.

Мария. Да не о демографии речь! Хочется внучков понянчить. У некоторых моих одноклассниц уже и правнуки есть, а у нас? Тьфу! Хоть самой рожай на старости лет.

Иван. А что, может попробовать?

Вспомнить
молодость, а?

*Иван легонько
щиплет жену за
бок, Мария бьёт
его по руке.*

Мария. Сдурел, что ли?

Иван. А что? Ты
предложила, я
согласился. В чем
дело-то?

Мария. У тебя всегда
только дурное на
уме. В чём дело,
ещё спрашивает!

Иван. Когда-то тебе это не
казалось дурным.

Мария. Нашёл, что
вспомнить!

Иван. Так приятно же!

Мария. Ты бы, чем ко мне
приставать,
лучше с
сыновьями
политрабату
провёл. Может, у
них в головёнке
что-то и
сработает в
положительную
сторону.

Иван (*серьёзно*). Не
думаю, что
поможет. Не в
отца пошли, нет!
С Семёном так
совсем плохо.
Ведь, кажется, всё
есть: дом,
машина, дача,
свой собственный
бизнес.

Мария. Любви у них нет.

Иван. Любви! За
пятнадцать лет
можно уже и
забыть про
любовь. Люди за
два-три дня навек
друг к дружке
прикипают,
родными
становятся, а тут
выкобениваются,
выламываются:
люблю - не
люблю, дам - не
дам! Дамки!
Тьфу!

Мария. Много ты в любви
понимаешь!

Иван. Да уж не меньше
твоего!
*(Подозрительно
смотрит на
жену.)* Или,
считаешь,
меньше?

Мария *(всплёскивает
руками)*. Ну,
скажи, не
придурок ли ты
городить такое в
наши-то годы?

Иван. При чём здесь
годы? И почему,
чуть что, сразу
придурок?

Мария. По кочану!

Звонит входной звонок.

Мария. Кого это
спозаранку
нелёгкая несёт?

Иван. Может, Виктор
ключи забыл?

Сейчас
посмотрим.

*Иван идёт к
входной двери и
впускает в
квартиру соседа,
одетого по-
домашнему, в
тренировочные
брюки и рубашку
без рукавов, на
ногах у него
домашние
тапочки.*

Анатолий Дмитриевич
(громко). Доброе
утро, соседи!
Иван (радостно). О!
Доброе утро!
Проходите,
Анатолий
Дмитриевич!

*Мария, не
успевшая до
конца сделать
макияж и
причёску,
показывает
Ивану кулак и
поспешно
скрывается в
спальне.*

Анатолий Дмитриевич. Да
я ненадолго.
(Проходит в
гостиную.)
Прошу прощение
за ранний визит.
Мария выходит из
спальни,

*повязывая на
голове косынку.*

Мария. Доброе утро,
Анатолий
Дмитриевич!
Ничего-ничего,
мы уже
проснулись.
Садитесь с нами
чай пить.

*Мария раздвигает шторы
и в комнату
врывается яркое
солнце.*

Анатолий Дмитриевич.
Нет, спасибо! Ох,
как у вас светло,
солнечно! А у
меня солнышко
только к обеду
заглядывает.

Мария. Зато оно у вас до
самого вечера
светит.

Анатолий Дмитриевич.
Это точно! Я
Виктора из окна
увидел на
стадионе, понял,
проснулись,
значит. Дай,
думаю, зайду,
пока не уехали на
дачу.

Мария. Что-то случилось?

Анатолий Дмитриевич. Да
ничего
особенного,
просто хотел
спросить, кто-
нибудь немецким
из вас владеет?
Мне тут нужно

срочно письмо в
немецкую
фармацевтическую
фирму
написать,
лекарство у них
выписать, а я, как
говорится, “не
копенгаген”. В
школе и в
военном училище
английский учил,
а из всех
иностранных слов
всё равно помню
только “хенде
хох” и “шнеллер,
шнеллер”!

Мария (*машет рукой*).

Ой, да что вы! У
нас в семье тоже
все “спикают”.
Или, лучше
сказать,
“спикали” когда-
то.

Анатолий Дмитриевич.

Жаль, очень
жаль!

Иван. Ну, почему все? Я в
детстве
“шпрехал”
немного, но когда
это было?

Анатолий Дмитриевич
(*обрадовано*). Так,
может,
попробуете?

Иван (*хмурится*). Нет! И
не просите. Не
люблю немецкий
и не помню. А
главное, не хочу
помнить.

Анатолий Дмитриевич
(вздыхает). Да,
многие из нашего
поколения не
любят немецкий.
Но язык-то не
виноват, что и
плохие люди тоже
бывают!

Иван. А никто и не
говорит про
людей. Просто не
люблю и всё тут.

Анатолий Дмитриевич.
Бывает! Ну, и на
том спасибо!
Извините, за
беспокойство, я
пойду.

Мария. Как-нибудь
вечерочком
приходите в
гости, в картишки
перекинемся от
нечего делать, по-
стариковски.

Анатолий Дмитриевич.
Спасибо, не
премину
воспользоваться
приглашением.
До свидания!

Мария. До свидания!

Иван. Всего доброго!
*(Провожает
гостя до двери.)*

Мария *(снова у зеркала)*.
Хороший человек
поселился,
заслуженный и
одинокий. Надо
бы ему среди
наших вдовушек
кого-нибудь
присмотреть.

Иван (*ворчит*). Ещё чего!

Свахи только в
доме не хватало!
Давай,
пошевеливайся,
на автобус
опоздаем!

Мария. Не командуй, не
люблю, когда
покрикивают!

Иван. На вас не кричать,
добра не видать!

Мария. На кого это, на
вас?

Иван (*с угрозой в голосе*).

Не придирайся,
поругаемся! С
утра настроение
испортят,
понимаешь,
потом сами же
дуются.

Мария. Кто дуется? И что
я плохого
сделала, что ты на
меня окрысился?

Иван. Ладно, замяли для
ясности!
Понятно?

Мария. Понятно.
(*Подозрительно.*)
А ты откуда
немецкий знаешь?
В институте,
вроде, вместе
английский
учили?

Иван (*смущается*). Да-а...

(*Машет рукой.*)
Чего болтать
зря?.. То же мне,
“Знаешь!”... В
соседнем лагере
военнопленные
сидели, от них и

научился. На нас,
ребятишек,
вертухаи
внимания почти
не обращали, мы
и бегали туда-
сюда. За пять лет
слона на
велосипеде
кататься учат, а
там для нас год за
два шёл, как на
фронте, вот и
заговорил к концу
срока по-немецки,
как на родном.

Мария. Понятно! Только
где ты слона на
велосипеде
видел?

Иван (*повышает голос*).
Сказал, не
придирайся,
значит, не
придирайся! Это
образно сказано,
для
преувеличения.

Мария (*миролюбиво*).
Ладно, пойдём,
любимый,
хлебнём кофеёк и
по коням! (*С
усмешкой.*) Или,
может, по
велосипедам?

Иван. Кхм, кхм!..
(*Строго*). Чай
вскипятила?

Мария. Спрашиваешь!
Даже заварила.
Сейчас в термос
нальём и айда
вперёд!

Иван (*ворчит*). Слава
богу, хоть на
кухне у тебя
сегодня порядок!
А то всё только
языком в
последнее время
балобонишь!

Мария. Да ну тебя, с
самого утра
завёлся ни с чего!

Иван. Ни с чего и прыщ
не садится.

Мария. Было бы хорошее
место, а прыщ
всегда найдётся.

Иван. Правильно, значит
нашлось и у меня
хорошее место
для прыща.

Мария (*усмехаясь*).
Покажешь, где?

Иван. Что, прямо сейчас и
здесь?

Мария. Да чего уж там,
можно было бы и
здесь, но... со
стриптизом
немного
потерпим. Пошли
завтракать! У нас
впереди ещё весь
день на всякую
дребедень,
успеется,
покажешь на
участке!

Иван. А дома ночью?

Мария (*смеётся*). Ой,
какой же вы,
однако,
неугомонный,
Иван Георгиевич!
Прямо, как в
молодости. С чего

бы это? Прямо уж
и не знаю! Съели
что-нибудь? Или
ночью кошмары
приснились?

Иван (*лихо покручивая
кончики усов*).
Прелестнейшая
Мария
Яковлевна!
Природа шепчет!
Казачья кровь
своё берёт.

Любви натура просит,
душа моя поёт!

Мария. Сам сочинил?

Иван. Спрашиваешь!

Мария. А говоришь, в
кого Виктор
пошёл? Тоже мне,
Пушкин!

*Старики,
смеясь, и игриво
подталкивая друг
друга, уходят на
кухню.*

Затемнение.

Картина вторая

*В комнату
заходят Виктор и
Неля. У них в
руках чемодан и
сумки. Бросив
вещи прямо у
двери, Виктор
пытается
поцеловать Нелю,
но достать до её
лица не может.
Неля не даёт это
сделать. Виктор
в отчаянии*

*обнимает жену
за талию.*

Виктор. Боже мой, как
мне всё это
надоело!

Неля. Что тебе надоело,
милый?

*Неля
освобождается
от объятий
мужа и
переносит
чемодан и сумки к
стене комнаты.
Виктор бежит на
кухню,
возвращается со
скамеечкой,
ставит её рядом
с Нелей и только
тогда буквально
впивается в губы
любимой долгим
поцелуем.*

Виктор. Вот это мне
надоело:
скамеечка!

Неля. Что делать? Се ля
ви!

Целуются.

Виктор. Говорят, наука
достигла
прогресса и
можно увеличить
рост сантиметров
на пятнадцать.

Неля. И даже на двадцать.
И это давным-
давно всем
известно.

Целуются.

Виктор. Да знаю я всё про
эти сантиметры.
Бабки отдашь
большие, а вдруг
я с ростом чего-
нибудь потеряю
из своих мужских
достоинств и ты
меня разлюбишь?

Целует Нелю.

Неля. А ты не теряй!
(Озорно.) Мне
скучно будет без
моего маленького
и весёленького.
*(Легонько
похлопывает
мужа ниже
пояса.)*

Виктор. Тебе смешно, а
что мне делать?
Ноги ломать и
вытягивать их по
системе
Илизарова?

Неля. Вытягивать или
протягивать? Вот
в чём вопрос!

Виктор. Да не смейся, ты!
Я же серьёзно.

Неля *(злится)*. А кто
смеётся? Кто
смеётся? Ты меня
уже достал своей
мнимой
проблемой! У
тебя же комплекс!
*(Отходит от
мужа.)* Если
хочешь от него

избавиться,
нужно решаться
на что-то. Сделай
поступок и
выкинь комплекс
к чёртовой
матери!

Виктор. Ну да! Там
годами людей
вытягивают. Это
же столько
времени без тебя?
Я от тоски
сдохну! Ну,
пожалей меня.
*(Сходит со
скамейки, берёт
её и ставит возле
жены.)* Пожалей,
моя кисочка!

Неля. Тогда помалкивай!
*Целует Виктора
и быстро
отходит от него,
тот, на
мгновение
потеряв
равновесие, едва
не падает со
скамейки.*

Виктор. Ты что?.. Я же
так и сверзиться
могу!

Неля. Давай договоримся:
или ты
продолжаешь всю
жизнь таскать за
собой скамеечку
(кстати, очень
красивая штучка!)
или ты ложишься
на операцию. И в
обоих случаях
нужно прекратить

нить! Понял? Ты
же мужик! Казак!

Виктор. Понял!

Неля. Что понял?

Виктор. Я хочу...

Неля. Таскать скамеечку
или?

Виктор. Я тебя хочу! Я
целый месяц хочу
тебя!

Неля. Ну да, то-то мне на
почте бабы твою
телеграмму
давали и
хихикали!

Виктор. А что,
телеграмма, как
телеграмма.

Неля (*возмущённо*). Вау!..
“Люблю, скучаю,
хочу тебя”! Я
чуть со стыда не
сдохла прямо у окошка.

Виктор. А представь, что
было со мной,
когда я её
отправлял?

Неля. Представляю! Не
мог по сотовому
то же самое
сказать?

Виктор (*нетерпеливо*). На
гербовой бумаге
оно как-то
солидней
выглядит.

Неля. Да уж, солидней
некуда!

Виктор. Ну, неужели ты
не хочешь...
сходить в ванну
после дороги? Я
специально отгул
на работе взял,
рыбка моя,

черноморская.
Нам никто не
будет мешать
целых три часа.
Неля (*шёпотом*). Целых
три часа?! А
стариков дома
точно нет?
Виктор. Нет! Они на дачу
с утра укатили.
Неля (*томно*). А спинку
потрёшь?
Виктор. Потру!.. Ой, как
потру! А можно, я
скамейку с собой
возьму?
Неля. Бери!

*Виктор берёт
скамейку. Неля
подхватывает на
руки и Виктора, и
скамейку и,
смеясь, уносит их
в спальню.*

Виктор (*радостно*). Ва-ау!

Картина третья

*В доме
Жуковых гости,
приехал Семён с
Викой. В
гостиной Неля и
Вика тихо
болтают на
диване, Мария на
кухне готовит
ужин, мужчины
играют в карты и
тихонько поют.*

Иван (*поёт*). “Как на
черный Терек, на
высокий берег,

Ехали
казаки сорок
тысяч лошадей”.

*Сыновья подхватывают
песню и поют
довольно хорошо
и слаженно.*

“И покрылся берег, и
покрылся берег
Сотнями порубанных,
пострелянных
людей.

Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить.

С нашим атаманом
Не приходится тужить.”...

Мария (*из кухни*). Эй,
казаки, собирайте
карты, ужинать
будем! Девушки,
помогите мне!

Неля. Минутку!

*Неля и Вика встают и
проходят на
кухню.*

Виктор. Эх, какую песню
испортили!

Иван. Ну, ладно! Пора
закругляться,
мать права.

*Иван сгребает карты в
кучу и собирает
их в колоду.*

Виктор. Интересно, чем
нас сегодня
угощать будут?

*Виктор встаёт и ходит
по комнате,*

*разминая плечи и
торс.*

Иван. Супом гороховым
без мяса и
киселём из
отрубей. (*Прячет
карты в карман
рубашки, встаёт
и берёт из
серванта водку и
сухое вино, затем
хрустальные
стопки.*)

Семён. А что, изредка
можно было бы,
пожалуй, для
восстановления
памяти пробовать
и старую кухню.

Виктор. Увольте! Без
меня!

Семён. А почему это без
тебя? Мы всегда
всё коллективом
делали. С самого
детства.

Виктор. У меня с детства
от гороха
активное
газообразование.
Боюсь оглушить
окружающих в
случае конфуза.

Семён. Ну, ананасы и
рябчики в этом
доме издревле
были не в чести,
ешь, что подадут.
Кстати, мы торт
привезли,
будешь?

Виктор. Спрашиваешь! А
какой?

Семён. А я откуда знаю?
У Вики спроси.

Иван. Да, зажрались вы,
сынки,
оторвались от
народа. Смотрите,
как бы чего
худого с вами не
вышло!

Семён. Всё, что могло
произойти в
нашей жизни
плохого, уже
произошло.

Виктор. Ага! Родились не
там и не вовремя,
не вовремя и
погрём, не дожив
до пенсии ровно
год или полтора.
Статистика -
жестокая штука,
батя! Мужики в
России нынче
живут мало.

Иван. Так то мужики, а
мы казаки! И я не
думаю, что всё
уже произошло!
Жизнь - штука
долгая, а пути
Господни сами
знаете, какие
тернистые! Да и
времена, как
сказал один
умный человек,
не выбирают. Так
что, не гневите,
сыны, Господа
Бога своим
нытьём! Смотрите
вперёд со
здоровым

прагматичным
оптимизмом.
Семён. А мы про что тебе
говорим?

Виктор. Держи хвост
пистолетом, батя!
Всё ещё впереди!
(Поёт.) “Всё у
нас впереди! Ля-
ля, ля-ля-ля!”...

*Выходят из
кухни женщины.
Впереди Мария с
большой жареной
в тесте курицей,
за ней, почти
церемониальным
маршем,
невестки несут
на подносах
закуски и посуду.
В огромной чашке
свежая клубника.*

Мария. Внимание!
Прекращаем
лялякать и
переходим к
чревоугодию.

Виктор (*восторженно*).
Вау! Какие
кулинарные
излишества!

Иван (*возмущённо*). Что
это за дурацкое
“вау!”?

Виктор. Почему,
дурацкое? Весь
Запад так
говорит.

Иван. Вот они там у себя
пусть так и
говорят, а нам
Запад не указ. Мы

живём на
Востоке, поэтому
прошу говорить
по-русски в моём
доме. Понял,
сынку? По-
русски!

Виктор (*послушно
соглашается*).
Понял, батя,
понял!

*Женщины быстро
сервируют стол и
все привычно
встают за
столом почти по
стойке
“Смирно!”,
развернувшись в
сторону
иконостаса.*

Иван (*говорит тихой
скороговоркой,
мелко крестясь
на иконы*). “Очи
всех на Тя,
Господи, уповают
и Ты даеши им
пищу во
благовремении,
отверзаеши Ты
щедрую руку
Твою и
исполняеши
всякое животное
благоволение”.
(*Все молча
крестятся и
салятся*.) Ну вот,
теперь можно
приступать к
трапезе.

Вика (*вполголоса*). Вы
прямо, как
настоящий
батюшка!

Семён. Да, только бороды
и креста не
хватает.

Иван. Чую, дети, не ту
стезю в своё
время избрал в
жизни. Не той
дорогой по ней
прошёл.

Вика. Каждый раз, когда
прихожу к вам,
слушаю вас и
удивляюсь:
откуда вся эта...
“домостроевщина
”? Ведь вы же
вполне
современный,
образованный
человек.

Иван. Ну и что? Разве
мало
современных
людей верят в
Бога и соблюдают
обряды?

Вика. Но не до такой же
степени?

Ива. Всё зависит от генов
и от настроения
самого человека.

Семён. Да, характер у
тебя железный.

Иван. А то? Казачий!

Мария (*приказным
тоном*). Ну,
казак, довольно
болтать, давай
застольную речь,
закуска стынет!

Иван. Во-первых,
наливайте, кто
что будет пить, и
берите закуску.

*Виктор берёт бутылку
водки и хочет
налить из неё
Неле.*

Неля. Нет, спасибо! Мне
немного сухого, а
закусывать я не
буду. У меня
диета. И не надо
за мной
ухаживать, я
сама.

Виктор. Как хочешь!
Мария (*возмущённо*). Это
ещё что за
новости? Я
старалась, пекла,
стряпала,
жарила...

Вика. Я тоже ничего не
хочу.

Мария. Та-ак, значит!
Заговор?

*Легонько постукивает
пальцами по краю
стола.*

Иван. Ну, у будущего
кандидата наук
диета, это я
понимаю. У неё
научный подход к
своему здоровью.
У тебя-то, Вика,
что? При твоей
субтильной
комплексии врачи
пациентам

усиленное
питание
прописывают, а
ты, выходит, при
общей нехватке
веса и всего
прочего, лечебное
голодание
практикуешь? Эх,
не я твой муж!

Мария (*Семёну*). Жаль,
очень жаль!

Вика. Мне что, сразу уйти
или после ужина?

Мария. С чего это вдруг?
Обиделась, что
ли? Так отец
правду сказал!

Семён (*тихо*). Вика, не
дури!

Вика. А тебя не
спрашивают.
Вечно
добреньким
прикидываешься.
Всегда всем
угодить хочешь!

Семён (*тихо*). Давай,
поговорим дома?

Вика. Давай, поговорим!
Давно пора.

Мария. Не ссорьтесь,
дети! Мы же вас
любим и желаем
вам добра.

Иван. Ешьте клубнику,
она для здоровья
полезная, говорят,
кровь обновляет!
Мать специально
для вас старалась,
собирала, везла с
участка,
повредить
лишнюю ягодку

боялась, а вы
уважить её не
хотите.

Вика (*каким-то казённым
голосом*).

Спасибо, конечно,
Мария Яковлевна,
за заботу о нас, но
мы дома поели.
Не есть же через
силу?

Семён (*смущённо*). Да, мы
немного закусили
перед тем, как
сюда ехать.

Мария (*укоризненно*). Не
могли подождать?

Семён. Ну, так
получилось, что
делать теперь?

Виктор (*весело*).
Родители, не
беспокойтесь, у
меня сегодня
зверский аппетит,
я за них за всех с
удовольствием
зубами
поработаю!

Иван. Да, про тебя-то все
семеро на улице
говорили и в
ботало били!
Помалкивай,
Геракл!

Виктор (*спокойно*). Мне
ваши гадости
слушать не
привыкать, я
свой, местный,
поэтому, всем
приятного
аппетита! Вы, как
хотите, а я, как
знаю!

*Виктор
руками,
обжигаясь,
отламывает у
курицы ножку,
кладёт её на
тарелку и туда
же накладывает
закуску.*

Мария (*ворчит*). Только
всё настроение
испортили.
Честное слово,
девчонки!
Старалась,
торопилась!..
(*Ивану.*) Налей
водки, отец!

*Иван берёт бутылку и
наливает Марии
водку.*

Иван. Кому ещё водки?

Семён. Мне минералку, я
за рулём.

Иван. Понятно!

(*Виктору.*) Ну, а
ты будешь,
писатель?

Виктор (*ест*). Спасибо, я
на
самообслуживани
и. Не у мачехи
рос, сам дотянусь.

Иван. Ишь, какой
обидчивый!
Давай, держи
дальше фасон,
пока мы с
матерью всё не
выпьём! Ну, а вы,
девчонки, что

сидите, особого
приглашения
ждёте? Наливайте
сами, если мужья
совсем не
шевелиются!

Семён. Что-то ты, батя,
сегодня не в
настроении. Что-
то случилось?

*Семён
наливает
женщинам вино.
Виктор наливает
себе водки.*

Иван. Да ничего не
случилось. Это
тебе показалось.
Хочу сказать тост.

*Звонит
входной звонок.
Все смотрят в
сторону двери.*

Семён. Я открою.
*(Встаёт и идёт в
прихожую.)*

Мария. Кто-то вовремя
успел. Говорят, к
таким шустрым
удача сама в
гости
напрашивается.

*За столом все
замирают, в
ожидании
прихода нового
гостя. Семён
открывает
входную дверь и в
прихожую входит*

*Анатолий
Дмитриевич,
одетый всё так
же, по-
домашнему.*

Анатолий Дмитриевич.
Добрый вечер,
Семён Иванович!
Семён. Здравствуйте,
проходите!
Анатолий Дмитриевич. Да
я только
спросить.
Семён. Проходите в
комнату, там и
спросите.

*Анатолий
Дмитриевич
входит в
гостиную и,
сконфуженный
застольем,
останавливается
в дверях.*

Анатолий Дмитриевич.
Добрый вечер!

Все здороваются с ним.

Анатолий Дмитриевич.
Кажется, я не
вовремя!
Извините! Я в
следующий раз
зайду.

*Анатолий Дмитриевич
хочет уйти, но
натывается на
стоящего позади
него Семёна.*

Иван (*нарочито грубым командирским голосом*). Куда?
От нас никто так просто не уходит.
По крайней мере, трезвым. Стул гостю и стопку!

*Семён
приносит стул и ставит его рядом со стариками.
Виктор достаёт из серванта стопку.*

Семён. Прошу!
Анатолий Дмитриевич. Да что вы, я действительно только хотел спросить...

Иван наливает в стопку водку.

Иван. Запомните, дорогой Анатолий Дмитриевич, в минуты застолья не работаем не только мы, но даже “Мосгорсправка”. Садитесь, сосед, потом разберёмся, чего вы там хотели спросить!

Анатолий Дмитриевич.
Ну, что с вами поделаешь?
(*Садится за стол*).

Иван. А теперь тост.

(Встаёт.) Он не совсем обычный, но с намёком. Вот поливал я сегодня огородик на даче и думал: а ведь всё, жизнь-то прошла, Ваня, кончилась. *(За столом зашумели.)*

Прошу тишины!
Да, прошла! А мне ни капельки не жалко! Я прожил её честно, как и подобает настоящему казаку: нигде не сподличал, нигде не словчил. Жил, как все и жил вместе со всеми. Не стыдно предкам в глаза смотреть, когда придёт моё время ответ перед ними держать. И вот хочу сказать вам, молодым, истину, которую понял в жизни: держитесь кучнее, ближе друг к другу. Кучей и батьку побить легче, если, конечно, батька слабак! И никогда, слышите, никогда не роняйте честное имя Жуковых в грязь.

Негоже нашу
фамилию пачкать,
она многими
людьми
знаменита в
прошлом и ещё
будет знаменита,
если вы по ночам
будете меньше
спать, а больше
работать над
нашими внуками.
Вот, собственно,
и всё, что хотел
сказать!

Правильно я
говорю, мать?

Мария. Грубо, конечно,
как всегда, но
верно!

Иван. Говорю, как умею!
Давайте, выпьем
за крепкую
семью! За
близких по крови
и духу людей! За
нас с вами!

Виктор. Ура! За ударную
ночную смену!

Все (*негромко и
шутливо*): Ура!
Ура! Ура!

Мария (*толкает Семёна в
бок*). Бери
встречный план,
как стахановец, а
то брат обгонит,
стыдно будет.

Семён. Не обгонит!
Боюсь, отбойный
молоток сломает
раньше времени.

Виктор. Не сломаю, у нас
в шахте система

безопасности
импортная.
Иван. Ну, хватит о
глупостях!
Пошутили и
довольно!..
Поехали!

*Все пьют и закусывают,
все, кроме Нели и
Вики.*

Мария. Ты бы хоть, Неля,
рассказала, как
отдохнула на
море? А то мы с
отцом сто лет там
не были. Уже и
забыли, как море-
то выглядит.

Неля. А я хорошо
отдохнула!
Честное слово! И
море было
хорошее, и погода
стояла чудесная!

Иван. Как там с
кавказцами,
спокойно всё?

Неля. Да, вроде,
спокойно! Честно
говоря, я больше
за ноутбуком
сидела в
перерывах между
процедурами. У
меня ведь целая
глава диссертации
ещё была не
окончена.
Поэтому в город
не ходила, да
одной там и
делать нечего, а

на пляже всё было
тихо и пристойно.

Вика. Там сейчас уже
езде полный
порядок.
Туристов и
отдыхающих
даже больше, чем
раньше. Жалко, у
нас нынче нет
времени съездить
туда.

Мария. Страшно всё же,
война рядом,
теракты!

Вика. Люди везде люди!
И местные тоже
там боятся, но
живут же!

Иван. Да, люди везде
люди! Откуда
только
террористы
берутся?

Мария. Наверное, сама
земля их плодит
за грехи наши.

Иван. Не за грехи, а за
дурость!

Анатолий Дмитриевич.
Знаете, а я
недавно услышал
интересное
сообщение по
радио. Говорят,
учёные скоро
ожидают смену
земных полюсов.
Все
электрические
механизмы,
якобы, крякнутся,
потому что
произойдёт
мгновенная

ионизация или
озонация воздуха.
Точно не помню
что! Человеку при
этом ничего не
будет от смены
полюсов, а вот
все бензиновые
двигатели, кроме
дизельных и
паровых, встанут.
Остановятся
заводы, фабрики,
фермы... Будет
полная
катастрофа
высокоразвитым
странам и
технологиям. Вот,
интересно, как
это повлияет на
нашу матушку-
Россию?

Иван. А при чём здесь
Россия?

Анатолий Дмитриевич. Да
вот после этого
государственного
переворота или
тихой
контрреволюции,
- как хотите, так и
зовите! -
неизвестно, кем
мы стали:
высокоразвитой
страной, с
высокими
технологиями,
или новой Гвиней
Бисау? Очень бы
хотелось узнать.

Семён. Хотите сменой
полюсов ещё раз
страну на

крепость
проверить?
Одного дефолта
недостаточно?

Анатолий Дмитриевич.

Нет, что вы?
Просто
интересно, кто мы
сейчас?

Виктор. Разве не ясно,
кто?

Иван. А вот мне это всё не
интересно,
потому что мы
были и есть
русские люди.
Мы многое
пережили, и
многое ещё
можем пережить.
Только,
действительно, не
надо нас
проверять на
крепость. Не
надо!

Анатолий Дмитриевич. Да
вы что? Я же без
всякой задней
мысли спросил.

Виктор (*встаёт*).
Дозвольте слово
сказать?

Иван. Валяй, только по
делу.

Виктор. Вы знаете, я тоже
сегодня много
думал.

Неля (*игриво*). Неужели?

Виктор. Представь себе,
да! И вот о чём.
Не понимаю,
почему мы, как
только соберёмся
вместе, каждый

раз
заикливаемся на
политике? Ну,
разве нет у нас
вечных тем о
любви, о
прекрасном, об
искусстве театра
и кино, о музыке?
О живописи, в
конце концов!
Нет бы, спросили
девушку о музеях,
в которых она,
возможно,
побывала, о
новых фильмах,
так нет, подавай
вам теракты!

Иван. Ты тост хотел
сказать или
очередную
филиппику
отбарабанить?
Если последнее,
то вот твоя
трибуна. Давайте,
устроим в
квартире
маленький Гайд-
парк.

*Иван берёт
стоявшую рядом
с ним скамейку и
через стол
пытается
передать её
Виктору.*

Мария (*возмущённо*). Ну,
зачем над столом-
то всякой дрянью
трясти?

Иван. И то правда!
Держи!

*Иван ставит
скамейку на пол и
ногами под
столом
передвигает её
сыну. Виктор,
вздыхнув, молча
садится на своё
место.
Наступает
неловкая пауза.*

Семён. Батя, всё же, какая
муха тебя сегодня
укусила?

Иван. А что я сказал? Что
сделал не так?

Виктор. Ладно, давайте
лучше песню
споем. Мы же
одна семья, свои
люди, чего
обижаться?

Иван. Не споём, а
сыграем.

Мария. Не придирайся к
словам.

Анатолий Дмитриевич.
Ну, я всё же,
однако, пойду.
Спасибо, за
компанию! У вас
так всё хорошо,
так по-
домашнему. Даже
завидно. До
свидания!

Мария. Так оставайтесь,
если хорошо!
Чего одному в
четырёх стенах
сидеть?

Анатолий Дмитриевич.
Извините, не
могу. У меня ещё
дел по горло.

Иван (*вяло*). Может, всё
же останетесь?
Песню вместе
сыграем.

Анатолий Дмитриевич. Да
я не пою, не
умею, к
сожалению.
Только всё
испорчу.
Извините,
спасибо!

Иван. Ну, если дела, то
конечно!

*Иван жмёт руку
Анатолия
Дмитриевича.*

Мария. Всего хорошего!
Все. До свидания!

Анатолий Дмитриевич.
Хорошего вам
вечера!

*Анатолий
Дмитриевич
уходит,
проводимый
Семёном, Виктор
сразу же
запевает
старинную
казачью песню:
“По горам Карпатским
метелица вьётся.
Сильные морозы зимою
трещат.
Проклятый германец на
нас наступает*

На нашу державу, на
крест золотой.
А мой милый чёрный,
чёрный,
чернобровый,
С германцами бьётся за
веру свою.”...
*Перед тем,
как уйти,
Анатолий
Дмитриевич с
удовольствием
прислушивается к
пению и с
удивлением
качает головой.*

Анатолий Дмитриевич.
Хорошо поют!
Молодцы! Какие
голоса, какие
люди! До
свидания, Семён
Иванович!
Семён. До свидания,
Анатолий
Дмитриевич!

*Закрыв за
гостем дверь,
Семён поёт
вместе со всеми.
Вообще поют все,
кроме Вики,
которая, с
недовольным
видом, уходит на
кухню, сразу
после ухода
Анатолия
Дмитриевича,
взяв из своей
сумочки,
лежавшей у
зеркала, спички и*

*сигареты. Семён,
увидев это,
примолкнув, идёт
на кухню вслед за
Викой.*

Картина четвёртая

*Офис Семёна
Ивановича
Жукова.
Небольшая
комната с двумя
столами,
поставленными в
форме буквы “Т”.
В кабинете
несколько
стульев. На столе
Семёна ноутбук,
телефон-факс и
стандартный
набор
канцелярских
принадлежностей.
Семён сидит в
кресле, в центре
маленького
стола. На стене,
за спиной Семёна,
развёрнут
государственный
флаг России. Из
динамиков
музыкального
центра, стоящего
в углу кабинета,
приглушённо
звучит казачья
песня:*

*“Хотели германцы, чтоб
наши казаки
Ихнему престолу служить
бы пошли.”...
Семён работает с
документами.*

*Входит
встревоженная
Алёна.*

Алёна. Семён Иванович, к
вам из
прокуратуры.

Семён. Кто?

*Дистанционным пультом
управления
выключает
музыку.*

Алёна. Пётр Павлович
Краснов.

Семён. Ну, так бы сразу и
говорила.

Родимчик ведь
хватить может от
неожиданности!

Ох, Алёна,
вгонишь ты меня
в гроб раньше
времени!!

Алёна. Так он в форме и
строгий весь
такой. Серьёзный!

Семён. В форме,
говоришь? (*Алёна
кивает головой.*)
Один?

Алёна. Один.

Семён. Хорошо. Зови!

*Алёна уходит и сразу же
входит Пётр
Павлович.*

Семён (*радостно*). Какие
люди в
Голливуде!
Привет,
полковник!

Пётр. Привет!

Семён. Почему не
позвонил и
почему в форме?
У моей Алёнки
глаза по
полтиннику от
твоих погон.

Пётр. На службе
положено носить
форму.

Семён. Значит, по делам
службы? А я
думал, просто
забежал
коньячком
побаловаться.

Пётр. Ну, это от нас не
убежит. Сначала
о деле.

Семён. О каком деле?

Пётр. Да есть тут кое-что
на тебя.

Семён. Что, кто-то
капнул?

Пётр (*достаёт из
портфеля
бумаги*). К нам
поступил сигнал,
что в твоей фирме
есть нелегалы.
Вот, почитай!

Семён (*берёт бумагу,
читает*). Чёрт!
Настучали всё
же... Но здесь же
нет подписи.
Анонимка
получается.

*Семён отдаёт письмо
Петру.*

Пётр. Ну, вот поэтому-то
я к тебе и пришёл
сам. Приведи всё

в порядок, пока
кто-нибудь не
напишет, как
положено, или
начальство само
не захочет
проявить
инициативу.
Знаешь же, как
сейчас к
мигрантам
относятся.

Семён. Понял. *(Достаёт
шоколадку,
коньяк и
разливает коньяк
в стопки.)*
Достали меня эти
правдолюбы!
Присаживайся!

Садятся за стол.

Пётр. Не перегибай палку,
и всё будет о,кей!

Семён. Кто перегибает?
Все работают с
нелегалами. Кто
хочет бабки за
них платить
неизвестно кому?

Пётр. Во-первых, платить
за них нужно
государству. И ты
это прекрасно
знаешь. А во-
вторых, наверное,
не у всех они в
таком количестве.

Семён. Ну, это у кого как
дело раскручено.
Твоё здоровье!

Пьют.

Пётр. А условия
проживания?

Семён. Вот это не надо.
Не надо! Они
знают, на что
идут, когда к нам
едут.

Пётр. Они же люди.

Семён. Люди? Ты знаешь,
что они в первую
очередь делают,
когда к нам
приезжают?

Пётр. Квартиру ищут?

Семён. Нет. Бабу с
квартирой.

Пётр. Ну и что? Поставь
себя в их
положение, что
бы ты делал?

*Семён встаёт и начинает
ходить по
кабинету.*

Семён. Ты не понял. Они
ищут русскую
шлюху, чтобы
отметить своё
присутствие на
этой земле своим
детёнышем. Как
звери метят
территорию, так и
они это делают
своим последом.
А наши
похотливые самки
на это идут.

Пётр. Не понял.

Семён. А чего тут
понимать?
Обложили нас со
всех сторон. Ещё
двадцать-

тридцать лет и от
русских только
пыль останется во
Вселенной.
Растворят нас
среди инородцев.
У нас уже
несколько сот
тысяч китайчат от
русских мам
бегают по России.
А через двадцать
лет их будут уже
миллионы!
Миллионы!
Пойми, у нас
повторяется
вариант сербского
Косова. Нас
завоёвывают без
войны. Это
завуалированная
экспансия! Через
полсотню лет мы
не сможем
удерживать такую
громадную
территорию и
сдадим её без боя.

Пётр. Вот оно что!

Семён. Только не считай
меня расистом
или, чего доброго,
фашистом. Я
обыкновенный
русский человек и
мне плевать на
все политические
догмы и теории,
но я просто вижу,
что происходит
вокруг меня и
меня это бесит.
Бесит!

Пётр. А что происходит?
Обыкновенная
смена
общественных
формаций и
свободное
перемещение
рабочей силы из
одного
экономически
отсталого региона
в другой, более
развитый.

Семён. Меня экономика в
национальном
вопросе меньше
всего интересует.
Экономикой
управляют люди,
а человек всегда
имеет
национальность,
даже если её не
ставят в паспорте.
Можно любой
экономически
отсталый район за
десятилетие
превратить в
земной рай, но в
рай с
национальным
лицом. С лицом
тех людей,
которые будут в
него вкладывать
свои деньги.

Пётр. Всё понимаю, но
помочь ничем не
могу. Закон есть
закон, и его надо
выполнять.

Семён. Да подожди ты с
законом! Сейчас в
стране

происходят
глубинные
процессы,
которые
коренным
образом могут
изменить не
только
физиономию
России, но и всего
мира вообще.

Пётр. А когда у нас не
было этих
процессов?

Семён. Вот!.. Правильно
говоришь! Россия
тем и велика, что
в ней
сосредоточился
клубок мировых
проблем
тысячелетней
давности. И от
того, как мы их
сейчас будем
решать, зависит
судьба всего
мира.

Пётр. Вполне возможно,
но я ещё раз тебе
напоминаю, что
пришёл не за тем,
чтобы говорить о
мировых
катаклизмах.

Семён. Да легализую я
твоих узбеков и
китайцев.
Легализую! Ты
мне вот что
объясни, ты хоть
понимаешь, что у
нас творится?

Пётр. Догадываюсь.

Семён. Это уже хорошо.

Пётр. Но мне не нравится
твоя
озлобленность.

Семён. Что?

Пётр. Знаешь, злому
человеку всегда
тяжелее в жизни,
потому что он
живёт в
окружении тех,
кого обидел.
Гораздо
вольготнее
чувствуют себя
добрые. Им
всегда хочется
встречаться с
теми, кому они
сделали добро и
даже дружить с
ними. Добрые
чувствуют себя
уютнее среди
других людей,
комфортнее.
Поэтому добрым
быть выгоднее
для здоровья.
Будь добрым.

Семён. Интересная
теория. А ты
знаешь, что у
русских людей
происходит смена
нравственных
полюсов? Мы от
основных идей
христианства - не
укради, не убий,
не
прелюбодействуй
! - переходим к
чуждым нам
ценностям
западного мира,

где главное в
нравственном
кодексе человека
- золотой телец. И
это может быть
опасно не только
для русских. Мир
вскоре станет
однополюсным,
диким и злобным.
Исчезнет русский
менталитет на
планете, в основе
которого лежит
добро, и
привычный нам
мир начнёт с
грохотом
разваливаться. И
вот здесь-то
поневоле
придётся
определяться, с
кем ты будешь
добреньким, а с
кем злым.

Пётр. И это говоришь мне
ты, современный
предприниматель
? Человек, к
которому я
пришёл для того,
чтобы призвать
тебя к совести?

Семён. Я, к сожалению,
тоже хочу жить в
раю. И не завтра,
а сегодня. И не в
том мире,
который мне
готовят мои
недрузи, а в том,
который я
построю себе сам.
Своими руками.

И мой дом будет
моей крепостью.

Пётр. Вот видишь, как всё
непросто
оказывается! За
добром прячется
зло, а зло,
оказывается,
творится во имя
добра.

Семён. Так всегда было.

Пётр. Ну, я тебя
предупредил, а ты
сам дальше
действуй, как
знаешь.

Семён. Спасибо, конечно,
за заботу о старом
товарище, в долгу
не останусь.

Пётр. Пошёл бы ты!..
Пока!

Семён. Пока!

Пётр встаёт.

Пётр. Детей бы тебе трёх-
четырёх родить,
чтобы в стране
демографию
поправить.

Семён. И ты туда же!
(Вздыхает.) Если
бы мужики
рожали, давно бы
родил.

Пётр *(сочувственно)*.
Даже так?
Извини!

*Семён, обняв Петра за
плечи, провожает
друга до двери.*

Семён. Не обращай
внимания,
перетопчемся!

*Неожиданно в
кабинет входит
Свистулькин, а за
ним в дверях
появляется
растерявшаяся
Алёна*

Алёна (*едва не плача*).
Семён Иванович!
Я ему говорила,
что вы заняты.

Семён (*Алёне*). Ладно,
иди, Алёна! Всё
нормально. Этого
казака остановить
невозможно даже
танком. (*Алёна
неохотно уходит.*
Семён
*останавливает
Петра.*)
Задержись на
минутку, Пётр
Павлович!
(*Селивёрсту*). Ну
что, входи, казак!
Чего в дверях
стоишь?

*Улыбающийся
Свистулькин
подходит к
Семёну. На
Свистулькине
офицерский
китель времён
первой мировой
войны, с грязными
погонами
полковника, из-*

под
растегнутого
кителя
выглядывает
тельняшка
десантника, на
ногах большие
разбитые яловые
сапоги,
зауженное
офицерское
галифе морского
цвета, с ярко-
красными
генеральскими
лампасами, на
груди несколько
неизвестных
орденов. На
голове лихо
заломленная
фуражка с
малиновым
околышем. На
красивом, но
диковатом лице
топорщатся
великолепные
чапаевские усы. В
Свистулькине
чувствуется
неуёмная сила и
энергия
настоящего
степняка: резок в
движениях,
прямолинеен в
суждениях,
грубоват и
голосом и
повадками.

Селивёрст (весело).
Здорово

ночевали,
господа, казаки?
Семён. Да ничего, слава
богу, станичник!

*Селивёрст обнимает и
трижды целует
Семёна, Петру
просто
протягивает
руку, но косится
на его форму.*

Пётр. День добрый!
Селивёрст. Здравствуй,
дорогой Семён
Иванович! Как я
по тебе
соскучился,
однако! Ты даже
не представляешь,
сукин ты сын!

Обнимает Семёна.

Семён. Здравствуй,
Селивёрст
Анфимович,
здравствуй! Где
пропадал столько
времени, атаман?
Где странствовал?
Присаживайся!
Пётр, прошу!

*Все трое
присаживаются к
столу. Семён
достаёт третью
стопку и
разливает всем
коньяк. Пётр не
даёт ему налить
свою стопку до
края.*

Селивёрст. Здесь
постранствуешь!
Вот пропал -
это точное слово!
Опять меня,
понимаешь,
менты прессовали
по полной
программе. Гады,
только хочу сесть
на землю,
настоящим
хозяином стать,
не дают
подняться. Под
самые ноги косят.

Семён (*хмурится*). Что
опять случилось?
(*Поднимает
стопку.*) Твоё
здоровье!

*Все выпивают и
закусывают
шоколадкой.*

Селивёрст. Всё та же
история. Ну, ты
помнишь, как
восемь лет назад
они меня закрыли
на три года?

Семён. Ну да, что-то
припоминаю.

Селивёрст. Тогда корову у
соседа приписали,
будто я её в лесу
заколот, а мясо на
базаре продал.
Ну, бред! Ну,
полный бред! У
меня мяса этого -
во! Ешь - не хочу!
В погребу и

соленья, и
варенья, и сало, и
рыбы всякой
навалом.

Семён. Ну, так в чём дело
сейчас? Опять
корову зарезал?

Селивёрст. Да нет!

(Встаёт.)

Извини, не могу
сидеть, осколок в
бедре
побаливает...
Шьют подготовку
к вооружённому
восстанию в
районе центре.
Прямо НКВД
какое-то!

Семён. Что, так и говорят:
восстание?

Селивёрст. Ну, не так, но
оружие ищут.

Семён. Какое оружие?

Селивёрст. Вот и я
говорю, какое?
Соседи стукнули,
будто у меня в
огороде что-то
зарыто, а сам я с
пацанами приёмы
самбо изучаю.
Значит, боевик!

Семён *(раздражённо)*.

Послушай,
Селивёрст
Анфимович,
может, пора
серьёзнее
становиться? Ну,
чего ты на рожон
прёшь? Чего себя
подставляешь?

*Селивёрст
весь последующий
монолог
старается
говорить Петру.*

Селивёрст. Да не
подставляю я
себя, сами
наезжают. А у
меня с головой не
всё в порядке.
Сам же знаешь,
не могу я
адекватно
воспринимать
действительность.
Так и врачи в
справках пишут:
неадекватен. Вот
с самого
Вьетнама всё
перевёрнуто в
моей черепушке.
И тело всё
переломано и
мозги
перемешаны. Я
же весь по
кусочкам сшит
заново ещё с тех
самых времён.
Как нас Б-52
напалмом в
джунглях
пробомбили – всё,
что-то во мне
сломалось! Я ведь
один из ребят
тогда живой
остался. Из целой
группы в
тридцать человек.
Молодые сильные
ребята,

диверсанты
профи. Мы по
американским
тылам ходили.
Шорох наводили
и технику их
обворовывали.
Секретное
вооружение
снимали. Когда к
своим выходили,
нас накрыли и те,
и другие. Меня
скала спасла.
Первые бомбы
были фугасные,
вот меня
взрывной волной
и перекинуло за
скалу, припёрло к
каменной стенке
намертво, этим и
спасся. А так бы,
поминай, как
звали Селивёрста
Анфимовича!
Следующая волна
бомбовозов
кидала уже
напалм. А я в это
время без
сознания в
естественном
укрытии, как
мешок с дерьмом
лежал, с
переломанными
костьями. В
полной отключке
почти месяц в
госпитале
валялся. Это меня
потом наши
поисковики
нашли, когда по

нашим следам
искать кинулись.
Боялись, что кто-
то из нас к
американцам в
плен попасть
может.
Представляешь,
какой
международный
скандал мог бы
выйти? Может,
из-за этого по нам
из гаубиц и
долбили, чтобы
следов от нас не
осталось. Ох, и
возненавидел я
отцов-командиров
за это! Ох,
возненавидел!
Хотя сам после
этого первое
офицерское
звание получил.

Семён. Ну, ладно, ладно!
Знаю я все твои истории.

Селивёрст (*неожиданно
напористо*). Ты,
кстати, обещал
приехать
погостить.
Помнишь? Когда
приедешь? Мы с
тобой на рыбалку
сходим. А
ружьёшко
возьмёшь, так и в
тайге пошныряем.
Говори, когда
приедешь?

Семён. Как только, так
сразу.

Селивёрст. Нет, ты мне
скажи, когда

приедешь? У
меня все в гостях
побывали, только
ты всё
отнекиваешься.

Семён. Сколько тебе
повторять,
цейтнот у меня.
Времени совсем
нет.

Селивёрст. У тебя сроду
времени нет! А
так бы пошли,
взяли винишка
кубанского - сто
двадцать метров
от моего дома в
ларьке кубанцы
торгуют, - сальца
достали бы,
огурчиков из
погреба! У меня
огурчики
мировые! Сам
солю. Особый
рецепт от бабки
достался. Раньше-
то у меня все
бывали в гостях:
и помощник
губернатора, и
мэр, и
военкоматовцы, и
казаки-атаманы, а
сейчас, как
бомбанули менты
подчистую, -
никого нет. Хоть
ты приезжай!
Отдохнёшь! По
утрянке на
рыбалку сходим,
брешком по
доньшку
поскребём,

глядишь,
стерлядку или
кострючков
зацепим.

Семён. Ты лучше
расскажи, что у
вас там, в
деревне? Как
живёте, как дела?

Селивёрст. Да, какие
дела? Догниваем
помаленьку.
Последний хрен с
сухарями
доедаем. Совсем
захирели. Я вот
что думаю!
(Тихо.) Мне бы
где-нибудь пару
стволов достать, я
бы там кое-кого
мочить начал.
Совсем, суки,
отбились от рук!
Мочи уже нет.
Издеваются над
народом, никого
не боятся.

Семён. Что, совсем уж и
управы на них
никакой нет?
Взял бы
коллективное
протестное
письмо накатал,
или ещё какое
заявление пустил
вверх по
начальству.
Вдруг, поможет?

Селивёрст. Да я бы
написал и ещё
кое-что похлеще
бы устроил, да
вот (Стучит

кулаком по лбу.)
бестолковка моя
не работает. Как
во Вьетнаме
первый раз по
голове
шарахнуло, я с
тех пор
временами
напрочь
отключаюсь. А
потом ещё в
Афгане добавил.
Там у духов в
горах меня
спровоцированно
й лавиной
засыпало, два
часа ребята
откапывали. В
Чечне тоже
мурцовки хватил!
Ну, ты же всё сам
знаешь! Чего я
тебе
рассказываю?

Семён. Знаю. С чем
пришёл?

Селивёрст. Хочу ментам
козу сделать. Они
же у меня всё
растащили, как
только закрыли на
зоне. Вернулся, а
во дворе ни
тракторов, ни
техники, ни
животины.
Сплошной
тридцать седьмой
год. Раскулачили
вчистую. А я вот
взял и опись
сделал по памяти
всего, что у меня

в хозяйстве было.
Свидетелей
нашёл. Вот и хочу
сдёрнуть со
скотов за
самоуправство.
Они же должны
были охранять
моё имущество,
пока я сидел по
их вине. Так в
законе прописано.

Семён. Думаешь, они это
сами по своей
инициативе
делали?

Селивёрст. Конечно, нет.
Указивка сверху
пришла: посадить
и разорить. Я их
тогда шибко
гонял. Они меня
боялись. Ох,
боялись! У меня
же и стволы
были. Из Чечни
привёз. Если бы
пикнули, враз
завалил. Менты
потом в огороде с
миноискателем
искали. Всё
нашли: и винтарь
с оптикой, и
гранаты, и
патроны... У
меня и ребята
крепкие были,
целая сотня, не
меньше.

Семён. А сейчас они где?

Селивёрст. А! *(Машет
рукой.)* Нет
пастуха, и всё
стадо разбрелось

куда попало.
Поможешь с
ментами?

Семён. А не поэтому ли
они тебя сейчас
прессуют, что ты
сам на них
наезжаешь?

Селивёрст. Может, и
поэтому. Одного
всегда топтать
легче.

Семён. Ясно. Тогда тебе
серьёзный
человек в помощь
нужен. Да, кстати,
я вас не
познакомил. Это
мой школьный
товарищ Пётр
Павлович.
Помощник
областного
прокурора. Он-то
тебе и поможет.

Селивёрст (*вначале
опешил, затем
рассвирепел*).
Предупреждать
надо, Семён
Иванович!

Семён. Прости, не успел.
Да ты не
беспокойся, он
свой человек.
Нашенский! Из
казаков.

Селивёрст. Может быть,
может быть! Но
дюже я
осторожный стал
после отсидки и
тебе советую.
Бдительность, она
не помешает в

жизни. Ну ладно,
я пойду, однако,
господа казаки!
(Встаёт.) На
днях, как-нибудь,
загляну. Помощь
твоя нужна,
Иванович, твоя, а
не нашенского
человека.

Семён. Заглядывай, буду
рад помочь!

Селивёрст. До свидания!

Пётр. До свидания!

Семён. Всего доброго!

*Селивёрст поспешно
уходит.*

Пётр. Кто это?

Семён *(разводит руками)*.
Казачий атаман из
области.
Представитель
народа.

Пётр. Что-то я не
припомню, чтобы
мы у казачков
оружие изымали.

Семён. И я тоже. Зато
разговоров об
этом... *(Наливает
себе коньяк.)*
Будешь?

Пётр. Нет! А кого он там
мочить хочет?

Семён *(выпив коньяк)*. Не
обращай
внимания, он уже
лет пятнадцать
кого-нибудь да
мочит. С головой,
атаман, не шибко
дружит. В

последнее время
особенно.

Пётр. Ну-ну! Ты смотри с
ним,
поосторожнее, а
то и я не отмажу.

Семён. Если за столько
лет не залетел...

Пётр. Я тебя
предупреждаю не
просто так. У
меня у самого
заморочки в
конторе. Запросто
могут отправить
на пенсию до
срока. Понял?

Семён. За что?

Пётр. За многое. И за
казачество в том
числе.

Семён. За казачество? Ты
же с нами никогда
не светился.

Пётр. Деды светились. А
кое-кому это до
сих пор, как кость
в горле. Бросал
бы ты это
потешное
воинство, брат!
Нашему
государству
настоящее
казачество не
нужно, а играть в
вольные казаки-
разбойники -
детство какое-то!
Что ушло, то
ушло и поминать
нечего! Будет
настоящая
государева
служба, можно и

казачество
возрождать, а
нет... У тебя
семья, бизнес,
могут быть
проблемы.

Семён. Тебе хорошо
говорить, ты всё-
таки далёк от
этого, а я... Не
всё так просто в
нашем деле, Петя.
Не всё просто!
Завяз я по уши с
казачеством.

Пётр. С такими
атаманами, как
этот, у вас всё не
просто было, есть
и будет.

Семён. Да, какой он
атаман? Разве не
видишь, кто он?

Пётр. У меня такое
впечатление, что
все вы немножко
такие. Кстати,
откуда этот
герой?

Семён. Ты думаешь, я
знаю?

Пётр. Ну, ты же столько
лет с ним знаком.

Семён. Вот именно,
знаком! А кто он
на самом деле,
откуда? - он и
сам, наверное,
уже не знает! Так,
болтается с места
на место, как
перекати-поле.

Пётр. А с виду вполне
вменяем.

Семён. Я или он?

Пётр. И я тоже. Связался с тобой!..

(Смотрит на часы.) Я тебе попозже позвоню, ты мне подробнее расскажешь об этом фрукте. Хочу посмотреть по базе данных, кто он на самом деле.

Семён. А стоит ли?

Пётр. Не люблю играть втёмную. Да и ты, наверное, не просто так нас с ним свёл.

Семён. Это точно. Если сможешь, помоги ему! Жалко человека.

Пётр. Я так и понял.
(Встаёт.) До свидания, атаман!

Семён. До встречи, казак!

Пётр Павлович уходит.

Картина пятая

Всё тот же кабинет. В кабинете Семён работает с ноутбуком, входит Алёна, приносит какие-то бумаги.

Алёна. Семён Иванович, можно мне сегодня пораньше уйти?

Семён. Зачем?

Алёна. Мне нужно
заявление в ЗАГС
подать.

Семён. Ого! Поздравляю!
И кто твой
избранник?

*Семён встаёт и подходит
к Алёне.*

Алёна. Один хороший
парень. Вы его не
знаете.

Семён. Счастливчик! Ну,
что ж, я не
возражаю. На
свадьбу только
позови. Я такой
подарок вам
приготовлю!
Расшибусь в
лепёшку, а тебе
понравится.

Алёна. Да я и так бы
пригласила, без
подарка!

Семён. В котором часу
тебе нужно
уходить?

Алёна. Да хоть сейчас.

Семён (*смотрит на
часы*). Ну, ладно,
что делать? Иди!
Всё равно сегодня
предпраздничный
день, никаких дел
уже наверняка не
будет. Счастья
тебе и побольше
детей!

Алёна. Скажете тоже!
Спасибо, за всё!
*(Алёна
неожиданно
обнимает и*

целует Семёна в щёку. В это время незаметно входит Вика.) Вы такой хороший, я так вас люблю!

Семён. И я тебя тоже люблю, Алёна! Ты прекрасный работник и добрый человек. Счастья тебе и побольше денег!

Вика (*громко*). У вас производственное совещание или рабочий день уже закончился?

Семён и Алёна смущены нелепостью ситуации.

Семён. О, привет, дорогая!

Алёна. Здравствуйте, Виктория Эдуардовна!

Семён. Вот, Алёна замуж выходит, в ЗАГС идёт заявление подавать. Поздравь невесту!

Вика (*сухо*). Поздравляю!

Алёна. Извините, я так разволновалась! Семён Иванович, вы мне просто как родной отец! Я так много от вас видела добра, что...

Семён. О чём ты говоришь, Алёна?

Иди, а то
опоздаешь!
Только потом
скажи точную
дату, чтобы мы
могли всей
фирмой
приготовиться
заранее.

Девишник
устроить, или как
у вас там сейчас
проводы невесты
называются?

Алёна. Обязательно
устроим и
мальчишник, и
девишник. Я вас
обоих приглашаю
на свадьбу.

Семён. Спасибо!

Алёна. До свидания!

Семён. До свидания!

Алёна уходит.

Вика (*язвительно*).

Поздравляю!

Семён. С чем?

Вика. С дочерью.

Семён. Хозяин и должен
быть для
работников отцом
родным.

Вика. Особенно, если
работники
молодые
девчонки. И
много у тебя
таких дочерей в
нашей фирме?

Семён. В нашей фирме
таких хороших
девушек много.

Вика. И сколько ты из них
поимел?

Семён. Наша фирма не
занимается
сексуальными
услугами. Не
глупи!

Вика. Фирма - да, а ты?

Семён. Прекрати! Ты же
знаешь, я тебе не
изменял, не
изменяю и не
собираюсь
изменять.

Вика. Допустим! А
сколько у тебя
было до меня
женщин?

Семён. Я же тебя не
спрашиваю,
сколько мужчин
было у тебя?

Вика. И правильно
делаешь, всё
равно не скажу.

Семён. Ну, а почему тогда
тебя так волнуют
мои женщины из
прошлого?
Почему?

Вика. А волнуют твои
бывшие бабы
потому... Что ты и
сейчас держишь у
себя гарем не
хуже любого
шейха.

Семён. Ты не больна
случайно?
Запомни:
любовниц у меня
нет! Я занят
целыми днями на
работе,
зарабатывая тебе

на побрякушки и
на тряпки. Это и
есть мой самый
настоящий секс
на стороне.

Вика (*язвительно*). Ну-
ну!.. Нет, я не
больна. Я
здорова, это вот у
тебя что-то точно
не в порядке в
организме.

Семён. В каком смысле?

Вика. В прямом. Твои
родители
ненавидят меня,
потому что я не
могу родить
ребёнка. Не могу
выносить его. А
может, в этом не я
одна виновата?

Семён. Да брось ты про
родителей! Отец
всегда был с нами
грубоват, это его
способ
воспитания из
мальчишек
мужчин: по-
спартански, по-
казачьи. Разве ты
его не знаешь?

Вика. Знаю!

Семён. А последний раз
просто что-то у
него случилось,
даже не понимаю
что, вот он и стал
выкобениваться.
Они же любят
тебя и желают
нам добра.

Вика. Они-то любят, а ты?

Семён. И я люблю. Очень
люблю!

Вика (*жёстко*). Тебе
нужно
провериться у
врача андролога.

Семён. Зачем?

Вика. Выкидыши тоже
имеют свою
причину.

Семён. Ну, хорошо, давай
проверимся. Что
для этого нужно?

Вика. Тебе нужно сходить
и сдать семя на
анализ.

Семён. А как-то по-
другому нельзя
провериться?

Вика. Нет, нельзя!

Семён. Хорошо, схожу.
Что ещё?

Вика (*деловито
оглядывает
кабинет*). Хочу
знать, где ты
здесь спишь со
своими девками?
Места, вроде,
маловато! Разве
только на столе?

Семён. Ты что,
издеваешься?

Вика. А ты думаешь, я
поверю в твою
невинность, после
того, что увидела?

*Вика решительно идёт к
выходу и
закрывает дверь
изнутри.*

Семён. Зачем это?

Вика. Я хочу тебя.

Семён. Здесь?

Вика. Да, здесь.

Семён. У нас что, нет
своей постели?

Вика. А мне плевать! Я
хочу тебя здесь и
сейчас, как все
твои бабы.

Семён. Вика!

Вика. Ва-ау!

*Вика
выключает свет.*

Семён. Ну что ты
творишь, Вика?
Вика!

Вика. Вау!

**Картина
шестая**
*Кабинет
Семёна. Входит
Селивёрст
Анфимович. Он
всё в той же
неизменной
одежде, но
только без погон.*

Селивёрст. Здорово
ночевали,
уважаемый Семён
Иванович!

Семён. Слава богу,
Селивёрст
Анфимович,
хорошо!

Селивёрст. Оно и к
лучшему.

*Обнимает и
тремякратно
целует Семёна.*

Семён. У меня, к
сожалению,
времени мало,
давай сразу к
делу.

Селивёрст. Что, атаман, и
чайком не
попоишь?

Семён. Присаживайся!
*(Включает
импортный
электрический
чайник. Первым
садится за
журнальный
стол.)* Тебе
какой: чёрный
или зелёный?

Селивёрст. А мне любой,
только покрепче.
Люблю всё
прочное. От
земли. Кофе не
пью, давление
замучило.

Семён. Ну-ну! Заварка
свежая, полчаса
назад заваривали.

*Семён быстро разливает
заварку из
заварного
чайника.*

Селивёрст. Меня батя,
когда в два года
на лошадь первый
раз посадил,
приказал крепче
за гриву
держаться и не

падать. А если
падал, он плакать
не давал. Мог и
плёткой зацепить
по хребтине, но
это уже когда я
постарше стал.
Настоящий казак
был, батя. Извели,
сволочи,
комуняки!

Семён. Сколько сахара?

Селивёрст. Сам положу.

Когда в Афгане
служил, от жары
только зелёным
чаем и спасались.
А в зоне чефир -
главное
угощение.

Привык
чаёвничать, а на
воле сердчишко
схватывать стало.
Бросил!

Семён. Здоровье беречь
надо. Уже не
мальчик, ведь!

Селивёрст. Ничего, мы
ещё повоюем!
Как в Чечне.

Семён. Ты снова там
побывал?

*Чайник вскипел, и Семён
разливает
кипяток по
чашкам.*

Селивёрст. Ага! Вот тоже,
дурак, зачем туда
пошёл? Лишнюю
дырку только
схлопотал. Во,
куда меня

шарахнуло!
(Показывает на плечо). Насквозь
прошило. Снова
всего переломало.
Я тебе как-нибудь
рентгеновские
снимки покажу -
ахнешь, живого
места нет. Мне
врач говорит:
тебя давно уже
списать надо, с
такими
ранениями не
живут. А я живу!
Меня снова
ребята на Кавказ
зовут. Как
думаешь,
поехать?

Семён. Такие вопросы
каждый решает
сам.

Самостоятельно.

Селивёрст. Верно. Хочу
официально по
контракту
наняться и своих
пацанов с собой
взять, на обкатку.
Если возьмут,
конечно.

Семён. Много у тебя
людей?

Селивёрст. Десятка
полтора наберётся

Семён. Чем я тебе полезен
буду?

Селивёрст. Вот у меня
тут... *(Достаёт
из большой сумки
толстую папку.)*
Все мои болячки.
На инвалидность

документы
оформляю, на
вторую группу.
Отскрокопирова
ть сможешь?

Семён. Давай! *(Громко.)*

Алёна! *(Входит
Алёна. Передаёт
ей бумаги.)*

Отскрокопируй.

Алёна. Сейчас не смогу,
Семён Иванович,
работы много.

Семён. А когда?

Алёна. Завтра утром.

Семён. Хорошо!

(Селивёрсту.)

Время терпит?

Селивёрст. Я через
неделю планирую
уехать.

Семён *(Алёне)*. Сделаешь
завтра. *(Алёна
уходит, взяв
папку с бумагами.)*

Семён

(Селивёрсту.)

Придёшь завтра
часам к десяти?

Селивёрст. Приду, если не
забуду. Голова
подводит, всё в
ней перепутано,
сдвинуто... Везде
справки надо, а я
даже не знаю,
куда кому нести.
Скажут, а я тут же
забываю. Но я в
этом разберусь! Я
во всём
разберусь.

Семён. Надеюсь.

Селивёрст. Эх, если бы
только не
мешали!

Семён. Кто тебе сейчас-то
поперёк дороги,
стоит?

Селивёрст. Всё те же! И
менты, и власть, и
прокурор! Вот
мне бы до
Кисловодска
добраться! Там
ребята всегда
оружие
предлагают. Взять
бы стволы и сюда,
разогнать всё это
ворьё!

Семён. И через неделю
тебя бы зарыли в
болоте вместе со
стволами.

Селивёрст. Ну и что?
Неделя, да моя!
Многим бы я тут
рога посшибал!
Ох, многим!

Семён. Ну, ладно,
приходи завтра.
Сегодня времени
нет.

Селивёрст *(встаёт)*.
Понимаю,
понимаю! Без
обиды! Ты только
мне вот ещё
помоги составить
писульку в
администрацию
района.

Семён. О чём?

Селивёрст. А я вот тут
вкратце описал
мою ситуацию.

*Даёт Семёну лист
бумаги.*

Семён (*читает*). Что? Ты
когда казачьим
генерал-майором
стал? И кто тебя
выбирал
атаманом войска?
И где? И что это
за войско?

Селивёрст. Так в прошлом
годе и выбрали, и
звание присвоили.
Ты же не ходишь
на сходы и круги,
потому и не
знаешь ничего. А
войско наше. Вот
нигде пока погон
достать не могу.
И корочки новые
нужны с гербами.
Не поможешь?

Семён. Нет.

Селивёрст. Да ты не
боись, Семён
Иванович, у меня
и бумаги все есть.
Всё официально.

Семён. От кого бумаги?

Селивёрст. Оттуда
бумаги.
*(Показывает
пальцем в
потолок.)* С собой
только войсковая
печать. Во!
*(Вытаскивает из
обложки
паспорта тонкий
кружок резиновой
печати, дышит
на неё и
прилепляет к*

*чистому листку
бумаги, который
берёт со стола.*

*Показывает
оттиск.) Видел,
какая блямба
получается?*

Семён. Ладно, атаман, до
завтра!

Селивёрст (*напористо*).

Так ты когда ко
мне приедешь? А
то все были,
только ты один
никак не едешь!
Порыбачим,
самогона попьём.
Бабу колхозницу
найду самую
ядрёную!

Семён. Потом поговорим.
Всё, пока!

Селивёрст. Завтра приду!

Прощевайте,
Семён Иванович!
(*Уходя.*) Береги
себя, Сеня!
Отдыхай больше,
а то станет твоя
светлая голова,
как моя
бестолковка, что
делать будем?

*Селивёрст
уходит. Семён
стоит и в полной
растерянности
смотрит на
оттиск войсковой
печати. Входит
Алёна.*

Алёна. Зачем вы его
принимаете,
Семён Иванович?

Семён. Сирых и убогих
сам Господь
привечал.

Алёна. Не буйных же?

Семён. Кто знает, какие
мы с тобой,
Алёна? Может,
такие же, как и
он, только с
другим знаком.

Алёна. Каким это знаком?

Семён. Да это я так.
Будешь
ксерокопировать
его бумаги,
обрати внимание,
на болячки. Такие
в городской
подворотне не
заработаешь. Что
у нас сейчас
запланировано?

Алёна. Две встречи. У
Алексея Фомича
Голованова и у
Слонова через
сорок минут. И
ещё. Там из
“Паруса” в
приёмной сидят.

Семён. Сами пришли?

Алёна. Да.

Семён. Интересно, зачем!
Ну, что ж, зови!

Без стука входит Вика.

Вика. Семён, мне надо с
тобой поговорить.

Семён. Что-то случилось?

Вика. Случилось!

Семён. Извини, Вика, у
меня сейчас очень
важная встреча,
если можно,
подожди минутку
в приёмной.

Вика. С кем встреча? С
ней? *(Кивает
головой на Алёну.)*
С твоей
секретаршей?

Семён. Алёна, выйди,
пожалуйста!

Вика. Алёна, останься!

Семён. Вика, пока ещё я
директор фирмы
и только я имею
право давать
приказы своим
работникам.

Вика. Или своей
подстилке.

Алёна. Что?

Вика. Что слышала,
дорогуша!

Семён. Вика, сейчас же
извинись!

Вика. Ещё чего?

Алёна. Не нужно
извиняться,
Семён Иванович!
Я вижу, Виктория
Эдуардовна чем-
то расстроена и
немножко не в
себе. Вы тут
разберитесь
между собой, а
меня, извините,
люди в приёмной
ждут. Только
потихе,
пожалуйста, там
всё слышно.

Вика. А это уж как
получится!

*Алёна уходит,
плотно закрыв за
собой дверь.
Последующий
разговор между
супругами
происходит на
повышенных
тонах, иногда
доходя до криков.*

Семён. Ты что меня
позоришь перед
девчонкой и
перед людьми?

Вика. Перед девкой, с
которой ты
спишь!

Семён. Сдурела, что ли?
Она почти на
двадцать лет меня
младше.

Вика. Конечно, я старуха,
по сравнению с
ней! Тебе
молоденькую в
постель подавай!

Семён. Давай, успокоимся
и поговорим без
истерик. Зачем
пришла?

Вика. Поговорить!

Семён. Дома не могла?

Вика. Дома у нас с тобой
больше нет.

Семён. Что случилось?

Вика. Да ничего
особенного, так,
мелочи жизни!

Семён. Это уже
интересно! Так

зачем ты пришла,
всё-таки?

Вика. Я только что
получила
анализы.

Семён. Ну и?

Вика. У нас не может
быть детей.
Никогда! И
виноват в этом
ты! Только ты!
Поденок!

Семён. Стоп! С чего это
вдруг у нас не
может быть
детей? У тебя же
был выкидыш в
прошлом году.

Вика. Это был не
выкидыш, а
заурядный аборт.
Не обольщайся,
не от тебя.

Семён. Что?!

Вика. Что слышал! У меня
был небольшой
курортный роман.
Лёгкий флирт с
красивым
мужчиной.

Семён. Курортный флирт?

Вика. Да. Не делай,
пожалуйста,
удивлённые глаза,
на курорте все
этим занимаются.
Иначе, зачем туда
ездить? Думаешь,
Нелька
диссертацию по
ночам на курорте
писала? У неё
там, наверное,
такой ноутбук
был, твоему

братцу век до
него не дорасти!

Семён (*спокойно*).

Продолжай, не
отвлекайся! Я
внимательно
слушаю. Очень
внимательно!

Вика. А что тебе ещё
остаётся?.. Ты
перестал
обращать на меня
внимание, и я
решила... Одним
словом, у нас всё
произошло на
море. И я поняла,
что ты... Что у нас
с тобой не может
быть детей.

Семён. А те два аборта,
которые ты
делала в первые
три года нашей
совместной
жизни, они что,
тоже не от меня?

Вика. Слишком много
времени прошло с
тех пор, Сёма. Я
была молодая,
глупая, да и
времена тогда
были смутные,
тяжёлые. Нужно
было выживать, и
я выжила. С твоей
помощью.
Спасибо, тебе за
это! А сейчас всё
иначе. Конечно, у
нас могло быть и
дальше всё
хорошо, но ты
совсем не

обращал на меня
внимания! А я
красивая
женщина и меня
нужно уметь
любить. Да-да,
уметь любить! Но
ты опять не хотел
этого понимать.
Ты был вечно
занят своими
проблемами,
вечно вне дома, а
если и дома, то
вечно на
телефоне.
(Плачет.) А тебе
надо было просто
лечиться и
больше обращать
на меня
внимания, как на
женщину.
Надеюсь, теперь
ты понял свою
ошибку?

Семён. От чего лечиться?
Ты трахалась
летом на курорте,
пока я здесь
крутился,
разгребая наезды
братвы, и ты же
меня обвиняешь в
невнимании? Ты
же знала, что у
меня в бизнесе
проблемы!
Серьёзные
проблемы! И ты
бросила меня,
уехала с каким-то
первым
попавшимся
козлом

развлекаться на
море, а теперь в
чём-то винишь
меня?

Вика (*продолжает
плакать*). Твои
проблемы ничто
перед той
проблемой,
которая была у
нас с тобой все
эти годы. Я, как
настоящая
женщина,
понимала это
трагичнее, чем
ты, и острее. Да,
острее! Для меня
семья - главное в
жизни! И дети...
Дети...

Семён. Ну, вот что,
трагическая
женщина, пошла
бы ты!.. И чем
быстрее, тем
лучше. А
ребёнка... Ребёнка
я найду, кто мне
родит.

Вика (*быстро перестаёт
плакать*). Эта
дрянь?
(*Показывает
рукой в сторону
приёмной.*)

Семён. Может, и она,
тебе-то какое
дело?

Вика (*вытирает слёзы
платком*).
Хорошо! Только
не забывай, что
по закону
половина твоего

бизнеса - моя.
Ведь я
совладелица
нашей фирмы.

Семён. Ах, вот в чём дело!

Вика. Да! Всё дело в этом,
представь себе! И
по большому
счёту, ты должен
быть мне
благодарен, что я
не заказала тебя
бандитам, как это
делают некоторые
умные жёны, а
даю шанс жить и,
возможно, даже
остаться в
бизнесе.

Семён. Спасибо,
благодетельница!
Спасибо! Может,
и прошлогодний
наезд твоих рук
дело?

Вика. Может!

Семён. Так вот,
оказывается,
почему братки на
прощание
посоветовали мне
сменить
постельные
принадлежности в
доме. А я-то всё
думал, к чему бы
это?

Вика. Подонки! Только и
могут, что языком
трепать. Зря
деньги на них
спалила. Ну, что
ж, я всё сказала,
Семён Иванович.
Заявление о

разводе и о
разделе
имущества уже в
суде. Скоро тебя
вызовут туда
повесткой. Из
дома я уйду.
Меня не ищи, я
тебя сама найду,
когда захочу.
Прощай, урод!

*Вика уходит, аккуратно
закрыв за собой
дверь.*

Семён. Прощай,
постельная
принадлежность!
Господи, как же я
её... Как же я её
не разглядел за
пятнадцать лет?
Слепец!
Влюблённый
слепец!

*Стучит
кулаком по столу,
от удара
неожиданно
срабатывает
пульт управления
музыкальным
центром,
лежащий на
столе. Из
динамиков громко
звучит знакомая
песня:*

“Жинка погорюет, выйдет
за другого,
За маво товарища, забудет
про меня.

Жалко только волю да
широко поле,
Жалко мать-старушку да
буланого коня”...

Акт второй
Картина седьмая

*В кабинет
Семёна входит
Селивёрст
Анфимович с
двумя папками
бумаг. Он
необычно строг и
даже суров. На
его плечах погоны
генерал-майора,
на голове папаха.
Семён более
резок, чем всегда
и явно чем-то
раздражён.*

Селивёрст. Ну, спасибо,
брат! Век не
забуду. И дивчина
у тебя дюже
гарная. Не твоя?

Семён. К сожалению, нет.
Мы её на днях
замуж выдаём.

Селивёрст. Вот оно что!
Надо поздравить
невесту.

Семён. Поздравь, ей будет
приятно.

Селивёрст. Что же ты
такую красоту
чужому дяде
отдаёшь?

Семён. Сердцу не
прикажешь!

Селивёрст. Понятно!
Здравствуй,
Семён Иванович!

Поздравляю с
выходом Закона о
казачестве!

Семён. Спасибо,
Селивёрст
Анфимович, но
это всего лишь...

Селивёрст. Никаких но!
Закон есть,
значит, нужно
работать с ним,
какой бы он ни
был.

Семён. Ясно, “господин
генерал”!

Селивёрст. Значит так, я
сегодня срочно
отъезжаю к себе,
там у меня дел по
горло. А тебя
попрошу сделать
проект приказа,
который, когда
приеду, подпишу.
В приказе нужно
отразить
следующие
пункты.
(Задумывается.)
Первое!..
Приказываю всем
атаманам сделать
отчёты о
проделанной за
последние десять
лет работе. Что
сделано, как
сделано, кем
сделано! Второе.
Какие деньги
привлекались в
работу за эти
годы, как и кем
растрачены.
Третье. В течение

месяца
подготовить и
провести
Большой
войсковой круг.
Перед кругом
провести Совет
атаманов. Ты не
ухмыляйся, а
запоминай.
Понятно?

Семён. У меня память
хорошая,
запомню.

Селивёрст. Атаманам всех
организаций
необходимо
наметить
перспективный
план работы на
ближайшие
полгода и войти в
контакт с
областным
руководством. Я
думаю, сделать
ответственным за
это тебя.
Потянешь?

Семён. Попробую.

Селивёрст. Подготовь
приказ, а я приеду
подпишу,
поставлю печать
и... Я их, сук,
заставлю
работать! И
наших
раздалбаев, и в
Белом Доме! Ты
будешь у меня
начальником
штаба. Твоя
голова и моя
энергия сделают

доброе дело. Я
езде могу
пройти. Меня они
не остановят.
Меня только
направить нужно
в правильное
русло и мы горы
свернём.

Договорились?

Семён. Договорились!

Селивёрст. Эх, времена
настают весёлые,
а у меня моя
бестолковка
плохо работает!
Хорошо, что ты
рядом. Вместе мы
много натворим!
Ну, я пошёл!
Прощай, брат!..
Да, у тебя какое
звание?

Семён. Капитан запаса.

Селивёрст. Это ты в
армии капитан, а
у меня будешь
полковником.
Поздравляю,
господин
полковник с
новым званием!

Семён. Спасибо, господин
генерал-майор!

Селивёрст. Подготовь
приказы о
присвоении
звания и о
назначении, я
подпишу.
Господи!.. Вот
голова-то
бестолковая! Я же
к тебе не просто

так. Я же к тебе
по делу.

Семён. И в чём проблема?

Селивёрст. Я же
последние
полгода в
психушке лежал.
Да не тарашь так
на меня глаза!
Законопатили,
скоты,
понапрасну! Я
тебе говорю! Хату
у меня в деревне
разграбили менты
напрочь, вот, хочу
в город
переехать. У
тебя нет
возможности
квартиру мне
здесь купить?

Семён. Нет. Я сам,
наверное, скоро
бомжом стану.

Селивёрст. Чего это так?

Семён. С женой
развожусь,
впереди делёжка
имущества и
фирмы.

Селивёрст. Понятно! То-
то смотрю,
настроение у тебя
не рабочее. Вот
бабы, ячмёна
мать! Раньше взял
бы плётку и
поучил уму-
разуму, а ноне
нельзя, по судам
затаскают! Меня-
то моя вот так и
засадил первый

раз за решётку.

Да!

Семён. Ты сколько раз
сидел, Анфимыч?

Селивёрст. Три. И все три
раза ментовская
подстава. А ты,
как думал? Они
знают, что если
таких, как я, не
упрячут за
решётку, мы им
кровя пустим
нешуточную.
Юшкой не один
кровосос умоется!

Семён. Ладно, Селивёрст
Анфимович,
прощай, у меня
дел по горло.

Селивёрст. Понимаю.
Последнее.
(Доверительно.)
Не вздумай меня
предать! Пока
меня нет, здесь ты
главный. Я
вернулся, ты - моя
правая рука. Идём
строго по прямой.
От меня ни на
шаг. Шаг в
сторону и тебе
крышка. Мы с
тобой, брат, скоро
такие дела
творить будем,
город вздрогнет!
Да что город,
область
взорвётся!
Согласен?

Семён *(едва
сдерживаясь)*.
Послушай,

“генерал”, тебе
кто дал право так
со мной
разговаривать? Я
что, давал какие-
то обещания,
клятвы, расписки?

Селивёрст (*растеряно*).
Так мы же, вроде,
договорились.

Семён. Договорились?..
До чего? Всё, что
мог, я для тебя
сделал и сделаю
ещё многое без
всякого договора,
как человеку, а не
как... “казачьему
генералу”. Ты
понял меня?

Понял,
спрашиваю?

Селивёрст (*злобно*).
Понял. Вот теперь
понял. Не дурак!

Семён. Вот и отлично!
Уходи!

Селивёрст. Хорошо, что
объяснились на
берегу. До того,
как. Ну, прощай,
брат! Прощай!
Дай бог, чтобы
мы с тобой
больше не
встретились на
узкой дорожке.
Не разойдёмся!
Ой, не
разойдёмся!

Семён. Я думал, ты меня
поймёшь
правильно.

Селивёрст. Я и понял тебя
правильно,

изменник
казачества!
Пожалеешь, ой,
как пожалеешь,
Семён Иванович!

*Селивёрст уходит. Семён
автоматически
включает
музыкальный
центр.*

Не для меня придёт весна,
Не для меня Дон
разольётся,
Там сердце девичье
забьётся
С восторгом чувств не для
меня.

*Входит Алёна
и
останавливается
в проёме двери,
прислонившись к
косяку. Она тихо
плачет, глядя на
Семёна, не
замечающего её.*

Не для меня цветут сады,
В долине роща расцветает
Там соловей весну
встречает,
Он будет петь не для
меня.

Картина восьмая

*Квартира
Жуковых. За
большим столом
Мария, Иван,
Виктор и
Анатолий
Дмитриевич
играют в
подкидного
дурака. На столе*

*стоит начатая
бутылка с водкой
и простенькая
закуска: колбаса,
сало, хлеб, огурцы
и помидоры.*

*Анатолий
Дмитриевич одет
в военную форму
без погон, на нём
военная рубашка
с длинными
рукавами и
офицерские
брюки навыпуск,
на груди три ряда
орденских планок,
на ногах
домашние
тапочки.*

Мария. Господи, господи!
Что происходит в
нашем мире!
Последние дни,
видно, наступили.

*Мария кидает карту
Ивану.*

Иван (*отбивается*). Чего
разохалась-то?
Чем тебе опять
власти не
угодили?

Мария. А чего хорошего
они нам сделали?
Пенсия мизерная,
кругом ворьё и
болтуны! Народ
вымирает!
Фашисты и
хулиганы по
Москве
колоннами

маршируют! С
нашими братьями
украинцами и то
мир не берёт. Вот
с чего жизнь-то
хорошая у нас
будет? С чего?
Телевизор
послушаешь, так
так тошно на
душе становится!
Скорее бы в
могилу, чтоб не
видеть ничего
больше.

*Виктор кидает отцу
карту, Иван
отбивает её.*

Виктор. Вот этого они от
нас и добиваются.
Миллионы уже
туда спроводили,
демографический
кризис в стране
объявили...
*(Кидает ещё
карту и отец
снова отбивает
её.)* Отбой!

*Иван собирает карты и
отбрасывает их в
“отбой”.*

Анатолий Дмитриевич.
Да, опустили
народишко до
самого доньшка!
Это вы правы,
Мария
Яковлевна!

Иван (*Кидает Марии
карту*).

Отбивайся!

Мария (*внимательно
рассматривая
свои карты*).
Спились все,
скурвились и
продались
дьяволу! В городе
бардак, село
гибнет. Я вот, как
житель-патриот
своей деревни,
езжу на родину и
отвожу в школу
книжки, старую
одежду детям,
продукты со
своей пенсии
старикам. По
знакомым в
городе хожу,
собираю у
крутых, кто не
жадный, и отвожу
всё на свои
собственные
копейки в
деревню.

*Мария отбивает карту и
ей Виктор и Иван
тут же
подкидывают
ещё.*

Виктор. Общественница
ты наша
неугомонная!
Советская власть
по тебе скучает.

Иван. И Красный крест
тоже! Вместе с
полумесяцем.

Мария. Да ну, вас! Когда
это было, чтобы
город кормил
село?

*Мария отбивает карты.
Ещё одну карту
подкидывает
Анатолий
Дмитриевич.*

Анатолий Дмитриевич.
Никогда не было.

*Мария
задумалась над
игрой, пробует
смотреть карты
в “отбое”.
Выкладывает все
пришедшие к ней
карты в ряд и
долго
присматривается
к ним, сверяя со
своими. В то же
время ведёт
активно разговор,
на время как бы
даже забывая про
игру.*

Мария. А у меня на селе
все родственники
старики
беспомощные,
всем помогать
надо.
Насмотрелась, как
простые люди
живут. Слез уже
нет! Горбателись
всю жизнь,
горбателись и
дожили до

светлых дней!
Вот вы, Анатолий
Дмитриевич, при
чинах до пенсии
были, пост
высокий
занимали, поди, и
друзья в
нынешней власти
остались?

Анатолий Дмитриевич. А
куда ж без них?
Остались, чёрт бы
им в печёнку!
Пристроились у
новой власти за
пазухой. Живут
припеваючи, не
то, что я.

Мария. Так я вот и
говорю, вы бы
хоть им-то при
встрече сказали,
что, мол, народ
против конфликта
с Украиной. Надо,
мол, контакты
налаживать
между славянами.
Севастополь-то
хоть и далеко
теперь, а всё
равно нашенский,
русский. Как его
этим оранжистам
отдавать? У меня
отец там погиб в
сорок втором. И у
Ивана тоже на
Украине отец
сгинул.

Анатолий Дмитриевич
*(удивлённо
смотрит на*

Ивана). Вот оно
что!

*Мария уверенно отбивает
все карты.*

Мария. Да! А то мы так
глотки друг другу
скоро рвать
будем.

Анатолий Дмитриевич. К
тому идёт, к тому
и двигается.

Мария. Страшно-то как
жить дальше
становится!
Отбой!

*Все молчат, Мария
откидывает
карты в “отбой”.*

Иван. Ничего, переживём!
И не такое
приходилось
видывать.

Анатолий Дмитриевич.
Оно, конечно, так,
но больно уж не
хочется, чтобы
это позорище
долго длилось.
Загубят, подлецы,
страну, загубят
вконец!

Мария. Всё, я вышла.

*Бросает последнюю
карту Анатолию
Дмитриевичу и
радостно
показывает
пустые руки.*

Виктор. Я тоже.

*Виктор
бросает карту
Анатолию
Дмитриевичу,
тот пытается
отбиться. Иван
продолжает игру.*

Иван. Да разве
только одни эти
её душили?
Вспомните
историю России,
кто из наших
царей заботился о
простом мужике?
Кто не гнобил и
не давил свой
народ?..

*(Анатолию
Дмитриевичу.)
Вы, уважаемый,
проиграли.*

*Иван кидает последнюю
 карту.*

Анатолий Дмитриевич.
Ну и семейка!
Куда я попал?
Облапошили
старика, хорошо,
что не на интерес
играем.

*Анатолий Дмитриевич
собирает карты
и тасует их. Иван
разливает водку
по рюмкам.*

Мария. Боже упаси с
деньгами
связываться!

Виктор. Играть нужно
учиться лучше.
Почаще
приходите,
научим.

Иван. Было бы чему
учиться? Вот у
этих, кто наверху
сидит, нужно
учиться, как всех
обманывать. Вот
шельмы! Вот
шулера!

Анатолий Дмитриевич.
Политические
проходимцы. А
ведь их всех
советская власть
выучила,
вырастила и на
должности
поставила.
Возвысила
непомерно над
народом. А они?
Что они с нами
сделали?

Иван. Ну, вздрогнем! Как
говориться, чтоб
им пусто было!

Все пьют и закусывают.

Виктор. К концу
советской власти,
я так думаю, все
были
коммунистами по
своему
внутреннему
мироощущению.

Иван. Ну, я бы так не
сказал.

Виктор. Но так было,
было. Ведь никто

не хотел того, что
произошло. Все
хотели
элементарной
перестройки
плохого старого
на хорошее новое.
Вот её и дали нам,
эту новую жизнь.
Только простой-
то народ хотел
слегка
перестроить
верхушку
общества, оставив
всё доброе
советское,
нетронутым, а
ему подсунули
верхушечный
переворот. Власть
из
идеологической в
считанные дни
стала
финансовой,
экономической.
Из развитого
“цивилизма”
страна разом
прыгнула в дикий
капитализм. И,
как оказалось, это
почти одно и
тоже: те же яйца
только в профиль.
Был секретарь
обкома, стал
олигархом
местного разлива.

Анатолий Дмитриевич. А
то и настоящим
олигархом, как
братья Чёрные
или

Черномырдин.
Правильно
понимаешь
ситуацию, Витя.
Молодец!

Иван. Эх, молодость,
молодость! Всё-то
вы понимаете,
всё-то вы знаете!

Виктор. Богаты мы едва
ль из колыбели
ошибками отцов!

Иван. Ты это брось! Не
так всё просто в
нашей жизни.

Мария. Всех обманули,
всех задурили!
Чего здесь
сложного-то?

Иван. А чего себя травить,
когда всё
пролетело, словно
пейзаж за окном
скорого поезда? О
будущем думать
надо. О будущем!

Анатолий Дмитриевич. За
окном сейчас
пролетает такой
пейзаж, Иван,
что, того и гляди,
залетит в твоё
купе какая-
нибудь дрянь,
после которой ни
тебя, ни твоего
уютного
гнёздышка уже не
будет.

Иван. Послушайте, вот
где у меня всё
это, вот где
сидит! Я устал от
политики, устал
от пустых

разговоров. У
меня сердце
больное и я не
хочу травить себя
нашими
болячками, иначе
точно сыграю в
ящик до времени.
И так уже все
нынешние сроки
пережил. Мужики
нынче, говорят, в
пятьдесят девять
дохнут, а мне уже
за шестьдесят.

Мария. Господи,
помолчал бы!
Только-только на
пенсию вышел и
уже в ящик
захотел!

Анатолий Дмитриевич.
Вот оттого, Иван,
что вся страна
такая, как ты, у
нас всё это и
творится.

Иван. А я какой? Какой я?

Анатолий Дмитриевич.
Ты сам знаешь,
какой: трусливый
и политически
безграмотный.
Впрочем, как и
все мы вокруг.

Иван (*мрачнеет*). Почему
это я трусливый?

*Анатолий Дмитриевич
берёт карты и
начинает их
тасовать.*

Анатолий Дмитриевич.
Ты уж извини,

сосед, но не
активный ты
какой-то! Не
боевой! И шире
нужно смотреть
на жизнь, Ваня,
глубже пахать,
тогда и жить
лучше будем.
Порядка в стране
нет, а мы молчим.
Дисциплины нет,
а нам плевать.
Законы не
работают, ну и
что? Молчать,
молчать не
нужно, а в набат
бить! На улицу
выходить.

Виктор. Вы знаете, я вот
думаю, почему
мы все такие
говоруны? Все
всё знаем, обо
всем
порассуждать
можем, а толку
никакого.

Анатолий Дмитриевич.
Ну и почему, как
думаешь?

Раздаёт карты.

Виктор. А потому, думаю,
что слишком
умные.
Коммунисты
научили нас
историческому
материализму,
научили смотреть
на исторический
процесс в его

развитии и мы,
понимая всё в
глобальном
историческом
масштабе,
теряемся, когда
сами осознаём,
где же мы-то с
вами сейчас
находимся. На
каком реальном
этапе
исторического
развития
прозябаем.

Анатолий Дмитриевич.

Мысль
интересная, но
этап у нас один: в
тюрьму нужно
сажать больше,
тогда ложки
дешевле на
свободе будут, а
про инфляцию
напрочь забудем.
Вот вся политика
и вся экономика
страны. Сталин
был прав: нет
человека, нет и
проблем.
Шлёпнуть всех
олигархов и всех,
кто с ними страну
грабил, и дело с
концом! А жили
при Иосифе
Виссарионовиче
не в пример
лучше.

Иван (*угрюмо*). Вы так
считаете?

Анатолий Дмитриевич. А
как же! Я хоть и

маленький был, а
помню. Порядок
был, дисциплина
была. Каждый
сверчок знал свой
шесток. Всё было
учтено, всё
рассчитано.
Сытно жилось
народу. У нас
даже во время
войны
американская
тушёнка со стола
не выводилась.

Виктор. А кто ваши
родители были?

Анатолий Дмитриевич.

Мы
потомственные
защитники
государства. Отец
мой тоже в
органах служил, в
НКВД.

Иван (*стучит кулаком по
столу*). А ну,
пошёл отсюда
вон, вертухай
чёртов! Это,
может, из-за
таких, как ты и
твой отец,
народилась
нынешняя
сволочь, а
порядочные люди
в то время по
тюрьмам
скитались.

Анатолий Дмитриевич.

Что? (*Бросает
карты на стол*).

Что ты сказал?

Мария (*испуганно*). Да что
это вы, мужики,
завелись?
Прекратите!
Соседи ведь!

Иван. Вали отсюда, я
сказал! Пока ты
со своим папашей
от пуза обжирался
на казённых
сталинских
харчах, я в это
время голодный с
матерью в
эмгэбэвской
комендатуре
каждую неделю
отмечался. Вали,
говорю отсюда,
полковник!

Анатолий. Вот оно что!
Вспомнил,
значит, вражье
отродье, кто ты на
самом деле есть?

Иван. Я знаю, кто я есть.
Знаю!

Анатолий Дмитриевич.
Нет, ты не
знаешь! Это я
знаю, кто ты.
Говоришь, отец
погиб на фронте,
мать одна тебя
воспитывала? А
вот это видел?
(*Показывает*
кукиш.) Ваня
Жуков!
(*Смеётся.*) Ты
такой же Жуков,
как я командарм
Рокоссовский! Я
перед тем, как
сюда переехать, у

всех соседей
родословную до
пятого колена по
картотеке
проверил: кто где
родился, когда
крестился, на ком
женится.

Иван. Видно птицу по
полёту, а подлеца
по его делам.

Анатолий Дмитриевич.
Что, не
здравится, когда
за живое
задевают?

Иван. Не люблю, когда
раны солью
посыпают.

Виктор. Что случилось-то,
в чём дело?

Анатолий Дмитриевич. А
ни в чём! Просто
Иван Георгиевич
немножко
приукрасил свою
биографию. Как
он правильно
говорит, родился
он в лагере. Но
его родитель,
никогда не был на
фронте, а был
заурядным
паханом на зоне.
И срок пахану
дали не по
пятьдесят
восьмой статье, а
за вооружённые
грабежи и
убийства. И
казаком он
никогда не был.
Он просто

атаманил в шайке
отбросов
общества, и сам
был конченным
отморозком.

Иван. Заткнись!

Анатолий Дмитриевич.

Заткнись? Долго я
терпел тебя, долго
к тебе

присматривался!

Хватит!

Придумал

красивую сказку

и, думаешь, все в
неё поверили?

Отец - казак, мать

- невинно

пострадавшая

женщина-

труженица.

Стахановка ещё

бы сказал!

Виктор. А что, разве это
не так?

Анатолий Дмитриевич.

Нет, не так! Твой

дед, Витя, бандит

конченный,

трахал твою

бабушку, которая

была немецкой

баронессой, в

грязном бараке

под страхом

смерти и за пайку

хлеба. После чего

и появился на

свет наш

уважаемый Иван

Георгиевич

Жуков.

Мария. Что?

Анатолий Дмитриевич.

Что слышали!

Мать Ивана
Георгиевича
сидела в лагере по
пятьдесят
восьмой статье,
как диверсантка и
немецкая
шпионка. Она до
войны была
переводчицей в
Саратовском
военном училище
и передавала всю
секретную
информацию
немцам. И
настоящее её
фамилия...

Иван. Я убью тебя. Убью!

*Иван вскакивает, но его
удерживают
Мария Яковлевна
и Виктор.*

Анатолий Дмитриевич.
Вот, вот его
настоящее лицо!
Фашистское
нутро, наконец-
то, прорвалось
наружу! Какой ты
Ваня Жуков, ты
же Иоган
Фрицлер. Мать
тебя специально
именем
чеховского
ублюдка назвала,
чтобы следы от
НКВД замести.
Но от нас не
скроешься, нет!
Не скроешься!

Виктор. Это правда?

Анатолий Дмитриевич.

Да! У меня и
документы в
копиях имеются.
Могу показать,
если хочешь
удостовериться.

Виктор (*обалдело*). Вот
это сюрприз! Чего
же ты столько
лет-то молчал,
отец? Спасибо,
Анатолий
Дмитриевич, за
то, что раскрыли
глаза на
родословное
дерево.
Успокойся, отец,
всё нормально.
Всё нормально!
Успокойся! Это
же такое дело
открылось! Такое
дело!.. Так, батя,
слушай
внимательно!
Сегодня ты мне
всё расскажешь
подробно о
бабушке и завтра
же мы пойдём
оформлять
документы на
выезд в
Германию. Завтра
же!

Иван. Что?

Виктор. Что, что? Я немец
по бабушкиной
линии, вот что! И
я не хочу больше
жить в этой
проклятой богом
и людьми стране.

Зов предков, вот
что это! Тикать
отсюда надо,
батя, тикать!

Анатолий Дмитриевич.

Яблоко от яблони
не далеко падает!
Тьфу, на вас!

Уходит.

Иван. Ты, что сказал? Я
не понял.

Виктор. Я сказал, батя,
что пора делать
отсюда ноги. Ты
пойми, мы сейчас
находимся в
стадии дикого
капитализма,
когда главным
человеком в
стране является
бандит. На всех
уровнях бандит,
какими бы
словами и чинами
его ни
прикрывали.
Пройдёт не одно
поколение, пока
этот бандит
превратится в
нормального
человека. Ты что,
надеешься здесь
жить и страдать
ещё сотню лет? Я,
к счастью, не
такой оптимист. Я
хочу уехать
отсюда и жить в
нормальном
человеческом

обществе. В
нормальном!

*Иван неожиданно даёт
Виктору
пощёчину.*

Виктор (удивлённо). За
что?

Иван. Это тебе привет от
бабушки
баронессы.

Картина девятая

*Квартира
Жуковых. В
гостиной яркий
свет, в комнате
собрались все
Жуковы, кроме
Вики. Посредине
комнаты стоят
три чемодана,
сумка и скамейка.
Иван и Мария
сидят за столом,
Семён стоит у
окна, Виктор и
Неля сидят на
стульях у стены.
Все молчат.
Настроение
собравшихся не
самое лучшее. В
последующем
разговоре Виктор
напорист и, как
всегда, энергичен,
а Иван, наоборот,
сломан
происходящим,
хотя и пытается
казаться
бодрячком,
опираясь, в*

*разговоре с
сыновьями на
прежние права
мифического
главы казачьего
семейства.*

Виктор. Ну что, так и
будем сидеть и
молчать?

Иван. Не песни же петь?

Виктор. А почему бы ни
спеть?

Мария. Помолчи, певец!

Неля. Ну, мы же не
навсегда. Мы
будем приезжать.
Не понравится,
совсем вернёмся.

Иван. Что-то не видел я
вернувшихся
оттуда.

Семён. А кому хочется
возвращаться в
страну, где нет ни
закона, ни
морали?

Иван. Кто вам мешает
самим оставаться
и моральным, и
законопослушны
м? Кто?

Семён. Пусть хоть весь
мир в дерьме,
зато я весь в
белом и чистом!
Так, что ли, по-
твоему?

Иван. А хотя бы и так!
Человек прежде
всего должен
думать о своей
совести и чести, а
затем уже о
всемирном

падении морали и
нравственности.

Виктор. Какая совесть?

Какая
нравственность?
О чём ты
говоришь?

Иван. О Боге, который
сидит в каждом из
нас.

Виктор. Да брось ты,
батя! Бог давно
забыл нас.

Иван. Не богохульствуй!

Виктор. Не каждый может
дать себя
растоптать во имя
мифических
идеалов. Не
каждый! Лично я,
например, хочу
жить не в борьбе
за красивое
будущее, а
простой
человеческой
жизнью. И я не
хочу однажды
оказаться там, где
была бабушка
только потому,
что кому-то
показалось, что
она была чьим-то
шпионом.
Царство ей
небесное на том
свете! Ей и всем
страдальцам.
(Крестится.)

Иван *(после значительной
паузы)*. Я
понимаю, когда
туда едут
настоящие немцы,

но ты-то... Ты
даже языка не
знаешь. Ты же
русский писатель!
Русский!

Неля. Язык выучим! Там
курсы есть. Да и
здесь мы
порядочно
натаскались за
последние
месяцы.

Иван. Вот именно,
“натаскались”. А
кем работать
будете? Там наши
дипломы не
котируются.

Виктор *(раздражённо)*.
Ну, сколько раз
можно повторять
одно и то же? Я
попытаюсь
пристроить в
издательство
свою рукопись.
Она уже почти
готова. Могу
тренером пока
где-нибудь
устроиться или
ещё где. Работы я
не боюсь. А Неля
- новоиспечённый
кандидат наук,
будет
преподавать где-
нибудь или
работать в
лаборатории.
Если поедете с
нами, вам пенсия
будет идти от
немцев, и не

такая, как здесь.
Проживём!
Иван. Об этом не может
быть и речи.
Мария (*решительно*).
Ладно! Намотают
соплей на кулак,
узнают почём
фунт лиха -
вернутся. А не
вернуться -
значит, так и
должно быть.
Виктор. Наконец-то,
первые умные
слова за всё
время.
Мария. Вы только вот что,
вы как
почувствуете, что
на ноги
становитесь, вы
первым делом
внучонка мне
сделайте. Если
сможете.
Виктор. Да запросто
сможем! (*Неля.*)
Сможем ведь?
Неля (*уклончиво*).
Посмотрим.
Виктор. Там власти,
говорят, к этому
совсем по-иному
относятся, чем в
России. По
государственному
! Почему бы и не
родить? Я так
запросто!
Неля. Совсем чокнулся?
Виктор. А что я сказал?

Звонит входной звонок.

Иван. Кто бы это?
Виктор. Я открою.

*Виктор уходит в
прихожую и
впускает в
квартиру Петра,
одетого по-
зимнему.*

Виктор. Привет! Проходи!
Пётр. Привет!

*Виктор и Пётр проходят
в гостиную.*

Пётр. Здравствуйте!
Иван. Здравствуй, Пётр!
Семён. Привет!
Неля. Здравствуй!
Мария. День добрый,
Петруша!
Пётр. Значит, отбываем?
Виктор. Да!
Пётр. Ну, что ж, вольному
воля, спасённому
- рай! Во сколько
самолёт?
Виктор. Через три часа.
Пётр (*смотрит на часы*).
Ну, полчаса у нас
ещё есть. Семён, а
ты чего носишься
по комнате?
Выйдем, разговор
есть!

*Семён с
Петром выходят
в прихожую и
говорят
вполголоса. В
гостиной снова
повисло*

*тягостное
молчание.*

Семён. Что за разговор?

Пётр (*тихо*). Твоего
атамана взяли.

Семён. Селивёрста?

Пётр. Да.

Семён. За что?

Пётр. За язык. Пришёл в
районную
администрацию,
стал права качать,
грозить. Ну, его и
забрали. Когда
проверили,
запрятали в
психушку.

Семён. Надолго?

Пётр. Кто его знает!
Врачи определяют.

Семён. Надо сходить,
проведать.

Пётр. Зачем? Это ему не
поможет.

Семён. Не о нём речь. У
меня на душе
неспокойно:
нагрубил ему
последний раз, а
зря. Знал же ведь,
кто передо мной!

Пётр. Если так, сходи. У
меня ещё новость.

Семён. Говори.

Пётр. Я ушёл из
прокуратуры.

Семён. Сам?

Пётр. Вроде того! На
пенсию
спровадили по
выслуге лет, как я
и предполагал.

Семён. Вот оно что!

Пётр. Двадцать лет честно
отпахал и... нате
вам, награда.

Семён. И куда теперь?

Пётр. Пока никуда, но...
Есть тут одно
местечко.

Семён. Говори, чего
мнёшься!

Пётр. Мне предложили
стать областным
реестровым
атаманом.

Семён. Вот это финт!
Новый атаман
Пётр Краснов в
масштабе одной
области? Не
слишком ли это
узнаваемо?

Пётр. Может, на то и
расчёт?

Семён. Может, хотя
нынешняя
молодёжь уже не
знает этой
фамилии. И кто
предложил?

Пётр. Губернатор.

Семён (*удивленно*). Сам?

Пётр. Конечно, нет.

Семён. Понятно. Одной
рукой, значит,
карает, а другой?

Пётр. Ничего не скажу.
Вполне
возможно, что это
сложная
многоходовка, но,
в любом случае,
не думаю, что они
меня обрадуют в
конце интриги.
Карты могут

оказаться
краплёными.
Семён. И что ты решил?
Пётр. Пока ничего. Хотел
с тобой
посоветоваться,
атаман.
Семён. Со мной?.. Я,
видишь ли, по
вновь
открывшимся
обстоятельствам,
теперь и не казак
выходит.
Пётр. Не комплексуй,
Сёма! Казак он
всегда казак. И не
столько по роду,
сколько по духу.
Жизнь тебя
ломает, а ты не
ломаешься,
значит, наш брат,
станишник!
Семён. Это для тебя я
станишник, а для
всех -
иностранец.
Пётр. А где они были, эти
все, когда ты
столько лет рогом
в стенку
упирался? Сидели
под бабьими
юбками и
помалкивали. Вот
пусть и дальше
помалкивают, а
мы дело будем
делать, если в нём
есть хоть капля
пользы казачеству
и России.
Семён. Подумать надо. Не
нравятся мне все

эти подковёрные
игры с реестром.
Ох, не нравятся!

Пётр. Мне тем более!

Семён. Знаешь что, давай,
поговорим после
проводов?
Прикинем, что к
чему, тогда и
решим.

Пётр. Давай!

Семён. А если что-то нас
не устроит, беру
тебя к себе.
Бабками не
обижу.

Пётр. Договорились.

Семён. Мне хорошие
юристы теперь
просто
необходимы. Все
суды с моей
бывшей любимой
ещё впереди. Я
даже, как видишь,
живу не у себя, а
у родителей.

Пётр. Ничего, брат,
повоюем! Двое не
один, в обиду не
дадим!

Семён. Здесь, главное,
нужно
просчитать, кого
они могут вместо
тебя поставить,
если ты
откажешься. У
нас и своего
дерьма хватает, а
тут подкинут
какую-нибудь
чиновную
бестию, потом не
отмоешься.

Пётр. И такое может быть.
Ладно, пойдём,
неудобно долго
шептаться.
Поговорим ещё,
успеем!
Семён. Конечно,
поговорим!
Пойдём!

*Пётр и Семён
возвращаются в
гостиную.*

Иван. А ты свою рукопись
здесь почему не
мог пристроить?

Виктор. Во-первых,
романа ещё нет в
законченном
виде. Его нужно
шлифовать и
шлифовать. Во-
вторых, кому
сейчас в России
нужна
литература, где
нет порнухи, но
есть трезвый
взгляд на нашу
жизнь? И, в-
третьих, чего
ждать от страны,
которая так легко
расстаётся со
своими самыми
верными
гражданами?

Иван. Верные не бегут за
кордон.

Виктор. Правильно! Если
их не гонят туда
пинками всеми
возможными
способами. В том

числе и
экономическими.

Иван. Говорил тебе,
налегай на
математику,
хорошим
инженером мог
бы стать, а
хорошие
инженеры и здесь
нужны.

Неля. Не уверена. Могу
привести десятки
примеров
обратного.

Виктор. И потом, не
важно, кто ты по
специальности,
важно, чтобы ты
был по-
настоящему
творческой
личностью.

Семён. Да хватит вам! Не
надоело?

Виктор (*Семёну*).
Понимаешь, батя
считает, что если
я писатель, то я не
человек. А я
творец! Да,
творец,
творческая
личность! И это
очень высокое
состояние
человеческой
души.

Неля. Даже церковь
считает
творческого
человека выше
ангела. Ангел
всего лишь
безропотный

исполнитель воли
Бога. И, может
быть, именно
поэтому Господь
Бог даёт
истинным
творцам
испытания на
земле, чтобы
воздать им затем
на том свете
сторицей за их
прозрения
высшего смысла
жизни через
земные
страдания.

Пётр. Какая красивая
мысль! И как
великолепно
оформлена!
Браво, браво,
Нелечка! Но о
том свете нам
пока думать
рановато, у нас и
на земле дел
хватает.
Правильно я
говорю?

Мария. Ещё чего! Пока
внука не выращу
до школы, и
думать об этом не
буду!

Иван (*смотрит на часы*).
Хоть думай, хоть
не думай, а
придёт пора -
собирай манатки!
(*Тяжело
вздыхает.*)
Время, дети!
Присядем на
дорожку и

ПОМОЛЧИМ
каждый о своём.
А я возьму
бабушкину икону
и благословлю
вас в дорогу.
Видит Бог, я так
хотел, чтобы мы
всегда все были
вместе! В одной
куче. Одной
семьёй!

*Виктор молча
уступает место
Петру, а сам
садится на
скамейку
поближе к Неле.
Семён
присаживается
на свой стул у
окна. Иван идёт к
иконостасу,
берёт икону и,
неожиданно, не
дойдя до
отъезжающих,
останавливается,
затем быстро
садится на свой
стул,
отвернувшись от
всех. Его плечи
при этом слегка
подрагивают.*

Виктор (*тихо*). Господи,
что же это такое?
За что нас так? За
какие грехи?

*Неля
обнимает
Виктора и*

*прижимает его
голову себе, как
обычно это
делают матери
со своими
детьми. Неля
закрывает глаза и
отчаянно поёт,
начиная едва
слышно:*

*“Пчёлочка золотая,
Что же ты журжишь.
Ой, жаль, жалко мне,
Что же ты журжишь.*

*Все вначале
смотрят на неё с
удивлением, а
затем начинают
подпевать, в том
числе и Виктор.*

*Около летаешь,
А прочь не лятишь.
Ой, жаль, жалко мне,
А прочь не лятишь.
Али верно любишь
Любушку мою.
Ой, жаль, жалко мне,
Любушку мою.”...*

*В конце песни
хор набирает
силу и его
звучание
усиливается,
после чего
внезапно пение
обрывается и
мгновенно гаснет
свет.*

Конец